

На правах рукописи

Мишанкина Наталья Александровна

**ЛИНГВОКОГНИТИВНОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ
НАУЧНОГО ДИСКУРСА**

Специальность 10.02.01 – русский язык
10.02.19 – теория языка

Автореферат диссертации
на соискание ученой степени
доктора филологических наук

Томск – 2010

Работа выполнена на кафедре общего, славяно-русского языкознания и классической филологии ГОУ ВПО «Томский государственный университет»

Научный консультант: доктор филологических наук, профессор
Резанова Зоя Ивановна

Официальные оппоненты: доктор филологических наук, профессор
Антипов Александр Геннадьевич

доктор филологических наук, профессор
Трипольская Татьяна Александровна

доктор филологических наук, доцент
Юрина Елена Андреевна

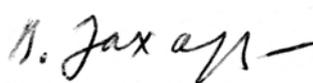
Ведущая организация: ГОУ ВПО «Омский государственный университет»

Защита состоится 25 ноября 2010 г. в _____ часов на заседании диссертационного совета Д 212.267.05 по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора филологических наук при ГОУ ВПО «Томский государственный университет» (634050, г. Томск, пр. Ленина, 36).

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке ГОУ ВПО «Томский государственный университет» (г. Томск, пр. Ленина, 34а).

Автореферат разослан «_____» _____ 2010 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
кандидат филологических наук, профессор

Л.А. Захарова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Диссертационное исследование посвящено описанию специфики лингво-когнитивного моделирования русского научного дискурса.

Актуальность предлагаемого исследования определяется, во-первых, его включенностью в целый ряд направлений, связанных с изучением языковой когниции, роли языка в процессах мышления, русской языковой картины мира и ее дискурсивных вариантов.

Данная проблематика является центральной для одного из направлений современного языкознания – когнитивного. Развитие когнитивного подхода тесно связано со сменой общегуманитарной парадигмы. Механистическое истолкование природы человеческого мышления, предельным воплощением которого становится идея искусственного интеллекта, привело лингвистику и гуманитарные науки в целом к кризису. В этой связи одним из базовых постулатов когнитивной лингвистики становится признание неалгоритмической и неатомистической природы человеческого мышления и языка как его неотъемлемого компонента. Язык, являясь частью мышления, участвуя во всех психических и когнитивных процессах, представляет собой воплощенные его механизмы, именно поэтому ядром когнитивной лингвистики становятся исследования языковой семантики в аспекте когнитивного моделирования.

Интерес к науке как к особому типу деятельности формируется еще в Античности и сохраняется по сей день, поэтому второй параметр актуальности данной работы связан с исследованиями в области теории познания, в частности, затрагивающими соотношение рационального и иррационального мышления в процессах познания мира (Н.С. Автономова, С.С. Гусев, А.К. Сухотин). Не будучи напрямую связанным с когнитивной проблематикой, названное направление актуализирует вопросы синтеза различных форм мышления и разрабатывает концепцию новой рациональности, включающую образные средства языка и, в частности, метафору как неотъемлемый компонент гносеологии. Когнитивная метафора рассматривается в этом случае как одна из базовых моделей научного мышления, отражающая специфику русской языковой картины мира через призму научного дискурса.

Третий параметр актуальности работы связан с исследованием процессов коммуникации. Вербальная коммуникация осознается как объект исследования только в XX в., «отразившись» от исследований коммуникации в теории связи и теории информации. Язык как коммуникативный и моделирующий механизм активно использовался в практической сфере (риторика, психоанализ), но при этом в фокус исследовательского внимания попадал только его структурный аспект (В.П. Руднев). Хотя функциональное направление зарождается уже в структуралистских концепциях, актуализация этого аспекта связана с формирующейся под влиянием работ Л. Витгенштейна теорией речевых актов и тео-

рией дискурса. В рамках когнитивно-дискурсивного подхода особенно остро ставится проблематика когнитивного и языкового моделирования. Когнитивные модели, выявленные в исследованиях, посвященных описанию русской языковой картины мира, и отражающие специфику национального мировидения, составляют ядро представлений о мире, некоторую систему универсалий разного уровня. Но в повседневной языковой деятельности эта система и сами модели трансформируются в зависимости от дискурсивных параметров – условий коммуникации и системы смыслов, которые хочет выразить коммуникант. Поэтому исследования смещаются в область моделирования дискурсов как целостных совокупностей коммуникативных и вербальных параметров. В этой связи актуальным является обращение к способам представления информации в русском научном дискурсе.

Объектом исследования является русский научный дискурс как сложный синтетичный лингвокогнитивный феномен особого типа.

Предмет исследования – механизмы лингвокогнитивного моделирования, параметры и базовые модели, формирующие русский научный дискурс и отражающие специфику русского научного мышления, а также соотношение научного мышления и общегносеологических механизмов.

Цель диссертационной работы – исследовать механизмы научной эпистемологии и роль когнитивно-дискурсивного моделирования в научной деятельности: процессах формирования научного знания и научной коммуникации, получающих отражение в русском научном дискурсе.

Указанная цель предполагает решение исследовательских **задач**:

1. Определить феномен когнитивно-дискурсивного моделирования и ключевые параметры моделирования русского научного дискурса.
2. Определить специфику научного дискурса и выявить базовую лингвокогнитивную модель, наиболее активно функционирующую в научном дискурсе и в наибольшей степени отвечающую его задачам.
3. Охарактеризовать базовую для научного дискурса лингвокогнитивную модель в аспекте ее моделирующих свойств.
4. Выявить уровни моделирования научного дискурса и представить типологию моделей.
5. Определить значимость общегносеологических механизмов и когнитивных моделей в научном познании.
6. Выявить взаимовлияние лингвокогнитивных моделей, имеющих общекогнитивный характер или присущих другим дискурсам и русской языковой картине мира в целом, и моделей русского научного дискурса и установить степень взаимосвязанности общегносеологических и эпистемологических моделей в процессах эволюции когнитивной сферы человека.

Методологические основы исследования. Методология исследования тесно связана с активно развивающимся в современной науке когнитивным направлением, объединяющим целую систему дисциплин, связанных с исследованием механизмов человеческого мышления. Когнитивистика позиционируется как направление, отражающее смену общенаучной парадигмы и актуализирующее гуманитарные основы современного мира в противоположность технологическим. Новая парадигма формируется в синтезе достижений целого ряда наук, подвергая их переинтерпретации и выстраивая новую методологию. Поэтому следует говорить о нескольких базовых методологических источниках настоящего исследования.

1. Когнитивистика, в рамках которой была переосмыслена роль языка в формировании и функционировании естественного интеллекта. Когнитивная лингвистика вырастает из проблематики искусственного интеллекта, из кризиса структуральных концепций языка, к которому приводят попытки решения задачи формализации языковой семантики. Сложившаяся ситуация заставила по-новому взглянуть на когнитивную сферу человека и роль естественной языковой коммуникации в ее становлении (К. Варела, У. Матурана, Э. Ортони, Р. Солсо, Н. Хомский, W.L. Chafe, R.S. Jackendoff, G. Lakoff).

2. В русле когнитивистики актуализируется проблематика моделирования, но в новом аспекте. Понятие «модель/моделирование», разработанное для представления различного рода объектов научного исследования (М. Бунге, А.Ф. Лосев, Я.Г. Неуймин, И.И. Ревзин, М. Хэсс, С.К. Шаумян), применяется для описания нормальной когнитивной деятельности человека (когнитивная модель), реализующейся в языковых структурах как языковое моделирование (Р. Лангакер, Р. Солсо, Ж. Фоконье, Р. Johnson-Laird, J. Miller и др.). Современная когнитивная лингвистика разработала широкий спектр когнитивных моделей идентифицирующего (Р. Лангакер, М. Минский, Л. Талми, Ч. Филлмор, Т.А. van Dijk, М. Johnson, Р. Johnson-Laird), категоризирующего (Э. Рош, С.Г. Воркачев, Р.И. Павиленис, Ю.С. Степанов, И.А. Стернин, G. Lakoff и др.) и синтезирующего (Н.Д. Арутюнова, А.Н. Барулин, А. Вежбицкая, А.Н. Леонтьев, Ю.М. Лотман, Е.С. Кубрякова, З.И. Резанова, В.Н. Телия, Е.В. Урысон, Ж. Фоконье, А.Д. Шмелев, G. Lakoff, М. Johnson) типа.

3. Когнитивные подходы к исследованию языка органично сочетаются с проблематикой, заданной в работах В. Гумбольдта, А.А. Потебни, получившей развитие в трудах Э. Кассирера, Л. Вайсгербера, Э. Сепира, Б.Л. Уорфа, и наиболее полно отраженной в современном языкознании в концепции языковой картины мира. В рамках этого направления язык рассматривается как система, аккумулирующая знания и опыт носителей, поэтому языковые структуры изучаются как структуры знания, принципиально специфичные для разных языков и культур. В русской лингвистике актуализируется проблематика русской язы-

ковой картины мира как воплощения русского менталитета и специфического мировидения (Н.Д. Арутюнова, Г.Г. Гачев, В.И. Постовалова, Б.В. Раушенбах, Б.А. Серебренников, В.Н. Телия)

4. В последнее десятилетие исследование специфики мировосприятия и миромоделирования преломляется в концепции дискурсивных картин мира, синтезирующей дискурсивный и когнитивный подходы. Дискурсивный ракурс рассмотрения языка актуализирует его деятельностный аспект, первоначально заданный в работе В. Гумбольдта, а затем развитый в работах Л. Витгенштейна и Дж. Остина и Дж. Серля в виде теории речевых актов, в работах по критическому дискурс-анализу (Л.Дж. Филлипс, М.В. Йоргенсен, Т.А. van Dijk). Данная проблематика реализовалась как коммуникативно-деятельностный подход к языку (Ю.Д. Апресян, С.А. Аристов, Н.Д. Арутюнова, М.М. Бахтин, Н.С. Болотнова, И.П. Сусов, Т.В. Шмелева, Н.Р. Grice). С другой стороны, теория дискурса развивается в рамках французской школы дискурса, основополагающими для которой стали работы М. Фуко, Р. Барта, П. Серио, М. Пешё, П. Анри и др. В работах этого направления дискурс рассматривается как формация текстов в совокупности с условиями и правилами их порождения. В отечественной лингвистике дискурсивный подход активно развивается в работах В.И. Карасика, В.Б. Кашкина, М.Л. Макарова, В.Е. Чернявской, К.Ф. Седова, где описана специфика дискурсивных реализаций русского языка. Синтез когнитивного и дискурсивного подходов в аспекте варьирования русской национальной картины мира представлен в работах З.И. Резановой.

5. В работах по функциональной стилистике также актуализируется проблематика функциональных вариантов языка в зависимости от сферы использования (С.О. Глушак, М.Н. Кожина, М.П. Котюрова, Н.А. Красавцева, Н.Я. Милованова, Н.М. Разинкина, О.Б. Сиротинина, Е.С. Троянская). Функциональная стилистика рассматривает такие варианты как подъязыки или стили, выделяя в качестве одного из стилей научный и определяя его основные параметры в связи с целью использования языка.

6. Результаты исследований, выполненных в русле семасиологического (В.Г. Гак, Г.Н. Складарская) и структурно-семантического анализа, в частности, в рамках теории регулярной многозначности (Ю.Д. Апресян, Н.Д. Арутюнова, В.Г. Гак, Г.Н. Складарская, Л.В. Васильев, Л.Г. Бабенко, А.П. Чудинов и др.), мотивологии и теории образности (О.И. Блинова, Е.А. Юрина), позволили увидеть масштабы метафоризации в рамках обыденного языка и выдвинуть предположение о том, что метафора является общегносеологическим когнитивным механизмом.

7. Теория концептуальной метафоры (G. Lakoff, M. Johnson) формируется в русле когнитивной лингвистики и рассматривает метафору как механизм мышления и познания. В частности, такой подход демонстрируется в теории

концептуальной метафоры и работах, развивающих это направление (А.Н. Баранов, Л.В. Калашникова, А.Д. Плисецкая, З.И. Резанова, А.П. Чудинов).

8. Метафора как гносеологический механизм исследуется в работах ученых-философов: в рамках теории познания формируется понятие «новой рациональности», включающей органичный иррациональный компонент – метафорическую модель как наиболее эвристичную форму аналогии. Метафора выступает здесь как базовая модель гносеологии и эпистемологии (Н.С. Автономова, Ф. Анкерсмит, Е.А. Гогоненкова, С.С. Гусев, И.А. Дмитриева, Г.А. Ермоленко, Э. Кассирер, Г.Г. Кулиев, Ю.И. Манин, Х. Ортега-и-Гассет, В.В. Петров, А.Е. Седов, В.А. Суровцев, В.Н. Сыров, М. Black, D. Davidson).

Методы исследования. Предмет и цели исследования обусловили формирование комплексной методики, синтезирующей различные методы.

Начальный этап исследования характеризуется использованием системно-структурных методов, направленных на выявление в текстах различных научных дисциплин контекстов, содержащих лингвокогнитивные модели, и их классификацию. Так было выявлено, что наиболее частотной когнитивной моделью, функционирующей в тексте, выступает концептуальная метафора.

Далее для определения исходных и результативных концептуальных областей, задействованных в метафоризации, был осуществлен компонентный анализ, дополненный приемом интроспекции, а для выявления основных типов метафорических моделей и определения их функциональной роли в тексте была осуществлена классификация по категориальным признакам.

На этом этапе названные методы были дополнены контекстуальным, текстологическим и функционально-стилистическим анализом.

Определение параметров коммуникативной роли метафорических моделей в тексте и дискурсе, выявление интертекстуальных и интердискурсивных связей потребовало широкого использования методики дискурс-анализа. На итоговом этапе исследования был использован метод моделирования с целью выявления функциональной роли различных типов метафор в процессе научного познания и вербализации научного знания.

Эмпирической базой послужили научные тексты различных научных дисциплин гуманитарного и негуманитарного профиля. В качестве основного материала выступили тексты русского гуманитарного дискурса, работы русских философов, психологов, лингвистов, семиологов, историков (А.Н. Барулин, М.М. Бахтин, И.А. Бодуэн де Куртенэ, В.В. Виноградов, В.Н. Волошинов, Л.С. Выготский, В.З. Демьянков, Р.О. Якобсон, С.О. Карцевский, А.А. Залевская, С.Г. Кара-Мурза, Е.В. Ковалевская, Б.А. Рыбаков, М.К. Мамардашвили, А.А. Потебня, В.П. Руднев, И.А. Шмерлина, С.К. Шаумян и др.). Для уточнения полученных результатов, в качестве вспомогательного материала, были привлечены тексты современных русских биологов, математиков, социологов

(И.А. Бех, А.М. Данченко, А.А. Евсеев, Н.А. Коломеец, Д.А. Кулешов, Ю.И. Манин, О.И. Нечаева, А.В. Павлов, Н.Г. Парватов, В.Н. Романенко, А.Е. Седов, В.В. Чередова, В.В. Скобелев и др.). Всего проанализировано около 30000 контекстов, извлеченных из 23 монографий и разделов монографий, 31 статьи.

Единица исследования: текстовый фрагмент, содержащий базовую лингвокогнитивную модель, формирующую различные параметры научного дискурса.

Научная новизна исследования. Научный текст традиционно рассматривался как отражение основных результатов научной деятельности, базовыми для которой признавались формы рационального мышления. Новизна нашего подхода состоит в следующем.

1. В работе разрабатываются теоретико-методологические основания исследования русского научного дискурса как лингвокогнитивной модели особого интегрирующего типа, включающей в качестве обязательных компонентов научную коммуникацию, научный текст и научную картину мира и формирующейся на основе целого спектра более простых лингвокогнитивных моделей. Ключевую роль в моделировании научного дискурса играет **метафорическая концептуализация**.

2. Концептуальная метафора рассматривается как когнитивная модель, выполняющая функцию синтеза нового ментального объекта. Это определяет **гносеологическую значимость** ее как модели, базирующейся на аналогии, а также особую роль механизмов метафоризации в научном познании в связи со специфической познавательной силой и эвристичностью, что позволяет заострить внимание на гносеологических механизмах языка.

3. В работе впервые исследуется роль лингвокогнитивных метафорических механизмов в процессах получения и онтологизации знания. Новизна исследования заключается в выявлении, описании и типологизации метафорических моделей русского научного дискурса, по-разному участвующих в познавательной деятельности: формировании коммуникативно-когнитивного пространства научной деятельности (дискурсивно-онтологическая метафора), представлении научных феноменов (гносеологическая метафора).

4. Впервые русский научный дискурс описан как метафорическое пространство, в котором осуществляется научная деятельность и научная коммуникация. Выявлены основные метафорические модели дискурсивно-онтологического типа, участвующие в его формировании.

5. Научная новизна усматривается и в описании функционирования метафорических моделей гносеологического типа, участвующих в моделировании научных феноменов на уровне текста, дискурса отдельной науки и междискурсивном уровне.

6. Впервые русские научные тексты различных дисциплин исследованы в аспекте метафорического моделирования, описан механизм метафорического моделирования научных феноменов и выявлены специфические черты моделирования в гуманитарном дискурсе.

7. Новизна исследования состоит также в выявлении метафорических моделей, являющихся ключевыми для русского научного дискурса в целом, – гносеологических универсалий, принадлежащих русской языковой картине мира и наиболее часто привлекаемых в качестве гносеологического инструмента, что определяет специфичность русского научного мышления.

Теоретическая значимость работы определяется вкладом данного исследования в развитие целого ряда научных направлений.

Исследование позволяет существенно расширить и обогатить активно развивающиеся в настоящее время теорию метафоры и когнитивную лингвистику в целом в связи с тем, что в нем проводится систематизация выработанных в когнитивистике моделей в аспекте их гносеологической функции и определяется место концептуальной метафоры как гносеологического механизма в этой системе.

Описание процессов метафорического моделирования на уровне лингвистической организации научного текста, на уровне интертекстуальном и интердискурсивном показывает роль метафоры в формировании и онтологизации нового знания. Это позволяет по-новому представить соотношение в процессах познания рационального и иррационального компонентов и снять традиционное противопоставление научной эпистемологии как формы рационального познания «наивному» познанию, синтезирующему все формы мышления.

Раскрытие значимости метафорического моделирования в формировании русского научного дискурса, исследование процессов интертекстуального, внутридискурсивного и интердискурсивного взаимодействия в аспекте метафорического моделирования вносит вклад в формирующуюся теорию дискурса. Выявление функциональной неоднозначности метафорических моделей, участвующих в моделировании научного дискурса, позволяет говорить о научном дискурсе как негомогенном феномене: дискурсивно-онтологическая метафора формирует ментальное пространство научной деятельности (*научная область*), гносеологическая – представление о научных феноменах как отдельных явлениях (*гносеологический Робинзон*) и исследуемом объекте в целом (*язык – это организм*), коммуникативная – актуализируется в процессах дидактических.

Выявление роли метафорического моделирования в формировании русской научной картины мира и русского научного дискурса оказывается возможным только на базе выработки новых теоретико-методологических оснований, синтезирующих различные подходы к исследованию метафоры, русской языковой картины мира и ее дискурсивных реализаций.

Практическая значимость. Результаты диссертационного исследования могут быть применены в учебно-педагогической практике, в разработке и чтении теоретических курсов лингвистического профиля: лексикологии, когнитивной семантики, метафорологии, текстологии, в вузовских спецкурсах и спецсеминарах, направленных на исследование специфики метафорического моделирования в русской языковой картине мира и ее дискурсивных вариантах.

Данные, полученные в ходе исследования, могут быть использованы в разработке образовательных методик при преподавании теоретических курсов как для русских, так и для иностранных учащихся.

Исследование роли метафоры в научном тексте может быть использовано в обучении русскому языку как иностранному (научный стиль речи), а также в практике создания словарей терминологической лексики традиционного и тезаурусного типа, автоматизированных словарей для систем машинного перевода.

На защиту вынесены следующие **положения**:

1. Моделирование как универсальное свойство человеческого мышления осуществляется на базе целого ряда когнитивных моделей – ментальных конструкторов. Все когнитивные модели на основании выполняемой ими функции в познавательной деятельности могут быть разделены на *идентифицирующие-категоризирующие* и *синтезирующие*. Последние позволяют создавать «возможные», виртуальные миры нереферентного типа, получающие онтологизацию как сложные ментальные конструкторы. Наиболее крупным и значимым из них является картина мира.

2. Базовой моделью синтезирующего типа можно считать концептуальную метафору, так как она представляет собой структуру, реализующую минимальную синтезирующую операцию. Метафорическая модель является гносеологической по природе, так как базируется на механизме аналогии – перенесения уже готового онтологизированного знания в процессе познавательной деятельности на область неизвестного. Метафора как общий механизм зарождается в обыденной познавательной деятельности и реализуется в бытовом дискурсе, исходном для всех прочих.

3. Результат действия гносеологических механизмов метафоризации получает закрепление в русском языке в виде широчайшего спектра номинативных метафор. Гносеологическая функция остается ведущей и очевидной в случае, если область, осмысляемая посредством метафоризации, является эмпирически недоступной и может быть познана только посредством когнитивного моделирования. Гносеологическая функция, реализуемая метафорой, может затемняться оценочно-экспрессивной, если моделируемый объект воспринимается эмпирически и его нетождественность объекту-источнику очевидна.

4. Метафорические модели привлекаются для познания и введения в сферу когнитивной онтологии объектов различной природы, как физической, так и идеальной. Языковая реализация метафорических моделей представляет как уже онтологизированное знание (номинативная, когнитивная, мертвая, «стершаяся» метафора), так и новое, гипотетическое (живая метафора).

5. Области научной деятельности в русском научном дискурсе моделируются как отдельные ментальные пространства. Научное знание онтологизируется и вербализируется в процессе создания научного текста, и в этом процессе, соответственно, задействуются различные языковые структуры. Наиболее частотной является метафора как отвечающая модельной, гипотетической природе научной деятельности.

6. Русский научный дискурс представляет собой единство составляющих: системы онтологизированного знания (научная картина мира), научной коммуникации (способы научного взаимодействия) и системы научных текстов (способы вербализации научного знания в соответствии с правилами научной коммуникации). В связи с этим русский научный текст (дискурс) включает три основных типа метафор: *дискурсивно-онтологическую*, моделирующую пространство научной деятельности, объекты и субъекты; *гносеологическую*, представляющую метафорическую гипотетическую модель объекта исследования; *коммуникативную*, адаптирующую новую модель к когнитивным возможностям слушателей.

7. Процесс онтологизации знания в русском научном дискурсе подобен общегносеологическому процессу. Первичное познание происходит посредством подбора гипотетических моделей – гносеологических метафор. Автор текста, вступая в диалог в рамках соблюдения «порядка дискурса», апеллирует к сформированным в нем моделям, осуществляет выбор близкой ему модели и уточняет либо трансформирует ее в рамках своего текста, формируя собственное видение объекта. Сформированная в тексте модель в зависимости от ее эффективности вовлекается в другие научные тексты, образуя парадигмальную модель. В процессе освоения новой области знания о ней приобретают статус онтологических – становятся точными знаниями, и такая модель перестает быть гипотетической, утрачивает гносеологическое напряжение, а позже включается в качестве идентифицирующего элемента в новые модели. Лексическая единица и концепт, выступившие базой для гносеологической метафоры, возвращаются в языковую и общекогнитивную систему, обогащенные новыми смыслами.

8. Русская научная метафора формируется на базе общеязыковых моделей русского языка и опирается на общие представления о мире. В поле науки вовлекаются самые разнообразные знания о действительности, но существуют некоторые универсальные образы, своего рода гносеологические универсалии русского менталитета, получающие переосмысление в науке в целом. Эти мо-

дели могут трансформироваться под влиянием изменений, происходящих в ментальном и физическом мире, приспособляясь для представления нового знания.

Апробация работы. Основные положения диссертации прошли апробацию на конференциях различного уровня. Проблематика метафорического моделирования в различных видах дискурса обсуждалась на конференциях: «Художественный текст и языковая личность» (Томск, 2003), «Естественная письменная речь» (Барнаул, 2003), «Мир и общество в ситуации фронта: проблемы идентичности» (Томск, 2003), «Философия и филология в современном культурном пространстве: проблемы междисциплинарного синтеза» (Томск, 2003), VII Международная научная конференция молодых ученых, проводимая Институтом литературы им. Т.Г. Шевченко НАН Украины (Киев, 2004), «Евразийский культурный диалог в пространстве текста» (Томск, 2004), «Социально-гуманитарные исследования: проблемы общественной востребованности» (Москва, 2005), «Язык и культура» (Томск, 2006), «Языковая картина мира: лингвистический и культурологический аспекты» (Бийск, 2006). Проблематика дискурсивных параметров науки обсуждалась на конференциях: «Единая образовательная информационная среда: проблемы и пути развития» (Томск, 2003), Всероссийская конференция Ассоциации «История и компьютер» (Москва, 2004), «История, информационные технологии и культурное наследие: перспективы XXI века» (Москва, 2006), «Вызовы гуманитарному профессиональному образованию в контексте современной промышленной политики в России» (Томск, 2007). Проблематика лингвокогнитивного моделирования научного дискурса прошла апробацию на конференциях: Девятые Филологические чтения «Проблемы интерпретации в лингвистике и литературоведении» (Новосибирск, 2008), «Исследование русской и мировой культуры в языке и тексте» (Томск, 2008), семинар Томского отделения Российской ассоциации лингвистов-когнитологов (Томск, 2009), Всероссийская научно-практическая Интернет-конференция «Connect-Универсум 2009», «Модели в современной науке: единство и многообразие» (Калининград – Светлогорск, 2009), «Когнитивные науки: междисциплинарное исследование мышления и интеллекта» (Томск, 2009), Десятые Филологические чтения Института филологии, массовой информации и психологии Новосибирского государственного педагогического университета «Континуальность и дискретность в языке и речи. Язык как живая система в исследовательских парадигмах современной лингвистики» (Новосибирск, 2009), «Национально-культурный компонент в тексте и языке» (Минск, 2009), Четвертая международная конференция по когнитивной науке (Томск, 2010).

Базовые положения исследования представлены в 50 публикациях автора, в т.ч. 8 статьях, опубликованных в ведущих журналах, рекомендованных ВАК, 1 монографии.

Структура диссертации. Диссертация состоит из Введения, четырех глав Основной части, Заключения, Списка использованной литературы.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во *введении* обосновывается актуальность работы, ее новизна, теоретическая и практическая значимость, формулируются цели и задачи, определяются объект и предмет исследования, описываются материал и методы его исследования, методологические основы, а также излагаются основные положения, выносимые на защиту.

В первой главе *«Проблемы моделирования в науке и языке»* рассматриваются общетеоретические проблемы, связанные с осмыслением понятия «модель/моделирование» в науке. В параграфе 1.1. рассматривается история формирования понятия моделирования, его роль в развитии науки и понимание в современной лингвистике.

Понятие «модель/моделирование» появляется в конце XIX в. в работах по геометрии, а затем встречается в философских работах, посвященных проблемам математической логики. В лингвистику термин вводит З. Хэррис, в 60-е гг. активно разрабатываются проблемы моделирования в области фонологии и синтаксиса.

К концу XX в. понятие «модель/моделирование» входит в научный и общественный обиход, оно задействовано практически во всех научных областях, его осознание как научного метода стало предметом философского обобщения и анализа с 40-х гг. XX в. В результате было выработано философское определение понятия «модель»: *объект, артефакт, служащий для имитации (или презентации) объектов реальности и отражающий неполный набор признаков реальных объектов, зависящий от задач, решаемых исследователем* (Неуймин 1984) С таким пониманием тесно связано понятие «моделирование», означающее: 1) создание имитационных моделей реально существующих предметов и явлений; 2) построение аналитических моделей гипотетических объектов для прогнозирования их функциональных признаков (Лосев 2004).

Проблемы моделирования в сфере искусственного интеллекта заставили обратить более пристальное внимание на механизмы работы человеческого сознания. Возникновение кибернетических «виртуальных реальностей» как чувственно воспринимаемых моделей изменяет представления о границах реального, приводит к трансформации картины мира и заставляет по-новому взглянуть на уже давно существующие феномены модельной природы, в которых создаются «альтернативные реальности»: литературу, искусство, науку. Это привело к переосмыслению понятия «модель/моделирование» и роли языка в процессах формирования модельных объектов.

Концепции, представляющие язык как посредник между миром и человеком, возникают в XIX в. (В. Гумбольдт, А.А. Потебня), но получают широкое

распространение только в XX. Актуализируются они в связи с новым осмыслением языка как первичной моделирующей системы в когнитивной науке, где вырабатывается новое понимание термина «модель/моделирование» в связи с изучением когнитивных моделей – структур, определяющих восприятие, хранение и передачу информации о мире. Когнитивная модель формируется в науке как гносеологический конструкт – гипотеза об устройстве человеческой психики и мышления. Но на основе эмпирического подтверждения эта модель может получить онтологический статус. Еще один аспект, в котором рассматривается проблематика моделирования, – праксиологический, связанный с использованием когнитивных моделей в коммуникативно-когнитивной деятельности.

Вся система выработанных в когнитивной лингвистике моделей может быть соотнесена с этапами ментальной деятельности: анализом и синтезом. На основании этого все модели могут быть разделены на два базовых типа: *идентифицирующе-категоризирующие* и *синтезирующие*. Когнитивные модели идентифицирующего типа задействованы в процессах вычленения из целостного образа мира отдельных особо значимых объектов и последующей их категоризации при формировании первичной модели мира. Модели синтезирующего типа позволяют создавать ментальные представления о реальности, не воспринимаемой чувственно. В отличие от идентифицирующих моделей, формирующихся и способных функционировать без отражения в языковых структурах, они более тесно связаны с языком и не могут быть полноценно реализованы вне языковых средств, так как формируются именно за счет языковой семантики.

Параграф 1.2. «Базовые когнитивные модели и их отражение в языковых структурах» посвящен детальному рассмотрению названных выше моделей, а также генезису моделирующей деятельности.

Наиболее ранними идентифицирующими когнитивными структурами принято считать кинестетические образ-схемы (Johnson 1987), соотносящиеся с кинестетическим восприятием, перцептивными и моторными эталонами и формирующиеся на допонятийном и доязыковом этапе развития. В концепциях Р. Лангакера и Л. Талми рассматриваются когнитивные модели восприятия пространства и, соответственно, способы представления в языке различных пространственных отношений. В рамках данных концепций оказывается важным принцип выделения объекта из окружающего континуума и выстраивание сети зависимостей между объектами. Эта когнитивная операция позволяет установить, во-первых, ранги и свойства объектов, во-вторых, определить когнитивную модель взаимосвязанности объектов с точки зрения носителей языка.

Более высокий уровень обобщения получает отображение действительности во фреймовых моделях (Минский 1988, Филлмор 1988), представляющих собой структуры знаний, связанных с человеческим опытом. Теория ментальных моделей Ф. Джонсон-Лэрда предлагает исследование динамических аспек-

тов понимания и интерпретации информации, в т.ч. и языковой. Осмысление процессов умозаключения позволяет дать новую оценку феномену фоновых знаний.

Когнитивные операции идентификации тесно связаны с процессом категоризации, позволяющим выбрать адекватную стратегию поведения по отношению к объекту или ситуации в целом. В рамках когнитологии были пересмотрены традиционные принципы категоризации, выработанные еще Аристотелем и не совпадающие с процессами языковой категоризации. Когнитивная психология (Rosh 1973; 1975) предлагает новую теорию прототипов, разработанную на основе идей Л. Витгенштейна. На ее базе разрабатываются когнитивные модели, отражающие сложность процесса категоризации, – концепты базового уровня и идеализированные когнитивные модели (Лакофф 2004). В отечественной лингвистике эти когнитивные модели не попали в фокус внимания, однако активно исследуется другая модель, близкая по способу организации и функционированию – концепт (Степанов 2001; Стернин 2001; Карасик 2004 и др.). Описанные модели позволяют осуществлять идентификацию и категоризацию объектов действительности и лежат в основе первичного прогнозирования их поведения и способов действия с ними

Моделирование виртуальных объектов возможно только на следующем этапе когнитивной деятельности. Наиболее значимым при определении двух типов моделирования является понятие *направления моделирования*: животное выстраивает «внутреннюю» модель мира и приводит ее в соответствие с внешними условиями; у человека другой тип согласования, он формирует две «внутренние» модели мира – фактическую и гипотетическую, выстраиваемую на основе прогностической деятельности, а затем воздействует на внешний мир, чтобы привести фактическую модель в соответствие с моделью результата. Когнитивная способность моделировать «виртуальные миры» есть только у человека, что отмечают многие исследователи. Именно она формирует особый тип мышления – мифологический, на базе которого развивается вся человеческая культура.

Когнитивные модели синтезирующего типа разделяются на два основных класса: первичные модели отражают минимальные операции синтеза идентифицирующе-категоризирующих моделей; вторичные – представляют собой сложные конструктивные единства, формирующиеся на основе первичных. К первичным моделям относятся модели, базирующиеся на механизме аналогии. Аналоговый способ мышления представляет собой гносеологический механизм, актуальный для человеческого мышления как такового. Именно поэтому в качестве первичной синтезирующей модели рассматривается метафора и метонимия, представленные в теории концептуальной метафоры Дж. Лакоффа и М. Джонсона. Механизм метафоризации заключается в перенесении когнитив-

ной структуры (кинестетической образ-схемы, фрейма) из понятийной сферы-донора на другую понятийную сферу – сферу-цель. Таким образом метафорическая модель формирует ракурс представления и восприятия определенной понятийной области. Метонимическая модель близка к метафорической, специфика ее заключается в том, что она совмещает объекты смежных классов.

Вторичные синтезирующие модели – сложные когнитивные структуры, создаваемые на основе комбинирования первичных моделей. Это ментальные пространства Ж. Фоконье – ментальные модели любых ситуаций, не воспринимаемых непосредственно, в т.ч. ситуаций, которые создаются говорящим на основе языка – знаковой системы моделирующего типа. Еще более сложный модельный конструкт представляет собой картина мира. В гуманитарной сфере понятие картины мира формируется на основе работ неогумбольдтианцев Э. Кассирера, Й. Трира, Л. Вайсгербера. В сферу гуманитарных наук термин впервые был введен Л. Витгенштейном. В лингвистику его вводит Л. Вайсгербер. Термин и понятие «картина мира» было воспринято гуманитариями и стало активно разрабатываться во многих областях научной деятельности, но до настоящего времени оно не является целостным. В самом общем виде картина мира – «это система интуитивных представлений о реальности» (Руднев 1999), вне которой не может существовать ни один человек. В реферируемой работе в фокус внимания попадает русская научная картина мира, однако результаты ее исследования показывают, что между нею и языковой или «наивной» картиной мира нет жесткой границы. Научная картина мира формируется на базе общекогнитивных моделей и является результатом действия общегносеологических механизмов.

Метафорическая модель выступает как наиболее компактная модель интегрирующего типа, она занимает центральное положение в системе когнитивных моделей, так как основывается на идентифицирующих моделях и участвует в формировании более крупных – синтезирующих, именно эти свойства обуславливают значимость метафорических моделей в формировании научного дискурса.

Вторая глава *«Картина мира и дискурс: статика и динамика. Ключевая роль метафорического моделирования в научном дискурсе»* посвящена рассмотрению понятия «дискурс».

В параграфе 2.1. освещается понятие «дискурс» и традиции его интерпретации. Формирование дискурсивного подхода к исследованию языка связано с понятием социальности. Уже в работах ученых Пражского лингвистического кружка формулируются положения о речи как социальном действии и о функциональной дифференциации языка. Близкая трактовка языка получила отражение в работе В.Н. Волошинова (1930). Однако, несмотря на наличие теоретических установок, функционально-деятельностная и социально-идеологическая

концепции языка не получают достаточного развития. Толчком к повороту лингвистики в этом направлении становится, во-первых, появление теорий М. Фуко и Р. Барта, во многом основывающихся на социальноцентрических положениях марксизма, во-вторых, кризис структуральной лингвистики.

В работе рассматриваются два подхода, выступившие в качестве базовых для формирования современного понимания дискурса. *Первый* из них, представленный в работах М. Фуко, положил начало ряду исследований, в которых дискурс понимается как целостная формация текстов, связанных с определенным социально-коммуникативным пространством и существующим в определенный временной период. Оно получило развитие во французской школе дискурсивного анализа (П. Анри, Ж.Ж. Куртин, Ж. Лакан, М. Пеше, П. Серио). В работе показывается близость этого подхода и функционально-стилистического направления изучения языка, в рамках которого описаны отдельные функционально ориентированные массивы текстов с точки зрения функционального стиля.

Второй подход исследует коммуникативный аспект дискурса во всей совокупности его параметров и условий. Основы его заложены в работе Л. Витгенштейна «Философские исследования» и затем развиваются в целостную теорию речевых актов в работах Дж. Остина, Дж. Серля. Данное направление активно разрабатывается в рамках работ по социолингвистике (Лабов 1975; Мечковская 1996), критическому дискурс-анализу (ван Дейк 1994; Водак 1997; Филиппс, Йоргенсен 2004; Карасик 2000) и психолингвистике (Седов 2004).

С одной стороны, приведенные подходы противоположны друг другу именно по параметру «результативности»: в рамках первого рассматривается результат коммуникации, в то время как второй сосредоточивается на процессуальном аспекте, но это противопоставление может быть проинтерпретировано как дополнительность. Подтверждение обнаруживается в работах, проводимых в русле социального конструктивизма и критического дискурс-анализа (Филиппс, Йоргенсен 2004), где понимание дискурса как совокупности коммуникативных параметров расширяется до осознания его модельной природы, дискурс в этом случае интерпретируется еще и как способ миропонимания. Таким образом, рассмотренные подходы к дискурсу позволяют представить его как триаду: *«целостный коммуникативный акт – формация текстов как результат однотипных коммуникативных актов – тип миропонимания, выражаемый в текстах (или дискурсивная картина мира)»*.

Соотношение понятий «дискурс – стиль – текст» также неоднозначно. В рамках представляемого исследования предлагается следующее распределение данных понятий: *текст* – языковой конструкт, вербальный компонент акта коммуникации, реализующий законченную смысловую модель; *стиль* – языковые структуры текста, в которых отражена специфика принятых форм комму-

никативного взаимодействия в той или иной сфере; *дискурс* – совокупность коммуникативных и вербальных параметров, определяющих способы осуществления коммуникации в той или иной сфере, получающих материальную реализацию в виде формации текстов, маркированных наличием специфических языковых структур (стилистических черт) и воплощающих особый способ отражения мира, принятый в рамках данной коммуникативной сферы.

Отдельно рассматривается вопрос типологии дискурсов. В качестве базовой принята типология, выстраиваемая на основе дифференциации базовых сфер коммуникации (М. Фуко, В.И. Карасик). В ее рамках выделяются статусно-ориентированный (институциональный) и личностно-ориентированный (персональный) дискурсы. Генетически первичным является бытовой дискурс как целостная система, он отражает различные виды человеческой деятельности и, соответственно, содержит в себе зачатки форм институциональной коммуникации. С развитием социума наиболее значимые виды деятельности развиваются в целостные дискурсы, где вырабатываются собственные правила коммуникативного взаимодействия, так называемый «порядок дискурса» (Фуко 1996), или «дискурсивная практика» (Филиппс, Йоргенсен 2004).

Параграф 2.2. «Научный дискурс» посвящен описанию параметров научного дискурса и способов его моделирования. В качестве участников научного дискурса выступают ученые, исследователи, формирующие определенные научные сообщества.

Отношения участников определяются двумя коммуникативными установками: 1) официальным статусом и 2) информационным равенством. Цель научной коммуникации связана с принципиальной ориентацией на получение нового знания. Коммуникативные установки автора текста в рамках данного дискурса направлены на полное эксплицирование информации. Хронотоп научной коммуникации определяется в двух планах: реальных и текстовых действий. Реальные действия осуществляются в локализованном времени и пространстве, текстовые выходят за их пределы, формируя специфическое ментальное пространство, в котором осуществляется диалог с теориями и концепциями вне учета их временной и пространственной локализации. Ценность научного дискурса – научная истина (Карасик 2000) – представляет собой объективные знания об устройстве мира, не является абсолютной, открывает только часть исследуемого объекта и требует эмпирических доказательств. Поэтому значимыми для научного дискурса являются критерии научности: систематичность, методичность, критичность, общезначимость результатов (Макаров 2003). Стратегии в рамках научной коммуникации определяются целями коммуникативных действий.

Систему дискурсивных формул в рамках научного дискурса представляет научный стиль – специфическая подсистема языковых средств, выявленная в

рамках функционально-стилистического направления и получившая достаточно детальное освещение в работах отечественных лингвистов (С.О. Глушакова, Н.М. Лариохина, М.Н. Кожина, М.П. Котюрова, О.Б. Сиротина, Е.С. Троянская и др.). Основные черты научного стиля – это абстрактность (понятийность), логичность, однозначность, нейтральность.

Научная коммуникация предполагает апеллирование коммуниканта к системе знания, сформированной в рамках той или иной науки. Поэтому одним из базовых параметров научного дискурса является *интертекстуальность*, которая понимается как «универсальный принцип построения научного текста на уровне содержания» (Чернявская 2006). Существует два основных типа интертекстуальных отсылок: эксплицитные (прямое и косвенное цитирование) и имплицитные (фоновая ссылка). Доминирование того или иного типа цитирования связано со степенью освоенности концепции, ее включенности в систему научного знания. Тенденция к информационной компрессии в научном дискурсе влечет за собой постепенную ассимиляцию новаторского знания, переход нового в сферу уже известного. Таким образом концепция «сворачивается» до высказывания или терминологического словосочетания (*небесная механика*), отсылающих к целостной области научного знания, научной парадигме, достаточно известной и поэтому не включаемой в текст в виде прямого цитирования. Происходит «дробление» исходного научного текста, выделение наиболее информационно емких единиц, маркирующих целостную концепцию.

В научном дискурсе действует то же правило прецедентности, что и в общекогнитивной сфере: существует некоторый фонд общих знаний, для активизации некоторой его составляющей достаточно введения в текст прецедентного феномена. Фоновые научные знания могут быть общими для всех представителей научного сообщества и специальными – общими только для определенной научной области, или специализированными – общими для некоторой группы, представителей отдельного направления в рамках научной дисциплины. Позицию интертекстуального компонента в подобной ситуации занимает метафорическая модель, обладающая наибольшей информационной емкостью и ориентированная на широкий круг интерпретаторов и, в связи с этим, коммуникативно более эффективная.

Сформулированное ранее представление о дискурсе как единстве трех составляющих позволяет обратиться к любому из элементов для описания всей системы в целом, так как все элементы взаимоопределяемы и взаимообусловлены. Поэтому в работе в фокус внимания попадает научная картина мира.

Общенаучная картина мира складывается из частнонаучных картин мира и претендует на объективность отражения реальной действительности, не опосредствованного человеческим восприятием. *Научная картина мира является дискурсивным вариантом общенаучной картины мира в рамках одного*

национального языка (Корнилов 1999), и в то же время это универсальная система, отражающая результаты познавательной деятельности человечества в целом. Однако любая картина мира представляет собой гипермодель, объединяющую более простые модели. Кроме того, научная картина мира формируется в рамках национальной и не может не отражать специфики мировосприятия, присущей тому или иному национальному менталитету, хотя при этом стремится к нивелированию этнических различий.

У. Матурана и Ф. Варела, рассматривая глубинные биологические основания феномена познания, подчеркивают родство науки и других форм познания мира. В работах ученых-лингвистов также отмечается близость когнитивных моделей эпистемологии и «наивной» гносеологии (Баранов 2001). В этой связи представляется необходимым дифференцировать понимание научной картины мира как относительно статичной модели, содержащей научные знания о мире, и как дискурсивного образования, включающего индивидуально-личностные и социальные параметры научной деятельности. Научная картина мира создавалась и продолжает создаваться индивидами – учеными, обладающими индивидуальным мировосприятием, опытом, стилем мышления, но сформировавшимися в рамках определенной национальной картины мира, задающей стереотипы, устойчивые образные формы осмысления бытия. Именно поэтому многие исследователи говорят об этнической специфике науки. Выявленные в работе метафорические модели русского научного дискурса позволяют утверждать, что индивидуальное научное творчество осуществляется на базе когнитивных механизмов индивидуального и национального типа, но обязательно должно быть оформлено в рамках порядка дискурса. Эта неравномерность процесса научного творчества была отмечена в ряде работ, посвященных исследованию феномена науки (Кун 1975; Сухотин 1978).

Т. Кун приходит к выводу о том, что, несмотря на рациональные установки, процесс развития науки не рационален и не линейен. Этап кумулятивного накопления знания способствует формированию научных школ и парадигм – систем научных пресуппозиций и установок, определяющих векторы развертывания научных исследований. Сообщество работает в русле той или иной парадигмы до тех пор, пока не начинают появляться факты, противоречащие теории, что свидетельствует о ее кризисе. Преодоление кризиса возможно путем научной революции, которая представляет собой радикальную смену видения объекта исследования, а в связи с этим и смену проблематики, методик исследования и интерпретации эмпирических данных. Образная (аналогическая) природа парадигмальной модели, ее внезапное, а не постепенное возникновение, тот факт, что появление новой парадигмы приводит к трансформации прежней модели мира в научном сознании и в конечном итоге к полной смене научной картины мира свидетельствует о том, что парадигма имеет мифологи-

ческий характер. Автор рассматривает науку, с одной стороны, как поле деятельности отдельных людей, с другой – как целостную социальную структуру, стремящуюся к упорядочению и воспроизведению способов действия, принятых в ее рамках.

Подобная точка зрения на науку вызвала и продолжает вызывать оживленные споры, одним из особо оспариваемых моментов выступает именно соотношение рационального и иррационального компонентов в структуре научного мышления (Сухотин 1978). В процессе научного творчества выявляется ряд этапов, характеризующихся доминированием логического или интуитивного типов мышления. Подобное сочетание интуитивного и логического характерно для всех видов творчества, оно лежит в основе метафорического осмысления действительности. Метафорические механизмы, базирующиеся на интуитивном поиске аналогии в когнитивной сфере индивида, составляют основу гносеологии. Гносеологическая функция метафоры едва ли не более значима, нежели экспрессивная, так как метафорическая модель позволяет перенести структуры уже имеющегося знания, опыта на новые неизвестные фрагменты действительности.

Обращение к истории исследования феномена метафоры показывает, как изменяются взгляды на метафору в аспекте ее функциональной неоднозначности. Наиболее раннее направление в исследовании метафоры рассматривает ее как языковую структуру, реализующую *экспрессивную* функцию (Аристотель). Поздняя античность упрочивает традицию подобного понимания метафоры. Философия средневековья актуализировала *гносеологическую* значимость и познавательную ценность метафоры, дающую возможность познать мир сверхчувственного, имеющего божественную природу. Эпоха Возрождения предлагает противоречивые теории метафоры, если вначале рефлексиируются представления прошедшего периода, то по мере дифференциации науки и искусства, развития литературы, переоценивается функциональная значимость метафоры – сфера ее применения сужается, она исключается из языка философии и науки, становится обязательным атрибутом художественной речи. Философия Нового времени поставила точку в окончательном разделении дискурсов искусства и науки, обратившись к формированию методологии научного познания мира. Рационализм занимается «очищением» научного языка от всего, что может привести к неоднозначности интерпретации, и в первую очередь отвергаются средства, активно функционирующие в художественном дискурсе. Моделирующий потенциал метафоры осознается только к концу XIX в. философами-иррационалистами.

В XX в. метафора исследуется в русле различных направлений науки, при этом в фокус внимания попадают разные ее функции. В философии, с одной стороны, продолжается изучение метафоры в рамках концепций, исследующих

природу иррационального и мифологического аспектов человеческого мышления (Э. Кассирер). С другой – значительное влияние на формирование современного понимания метафоры оказали логические концепции, заложившие основу современной семантики. Обращение к семантическим аспектам языка повлекло за собой разработку целого ряда структуралистских методик, направленных на анализ лингвистической семантики. Именно это направление сформировало целый ряд положений, из которых вырастает когнитивная теория метафоры: 1) обращение к метафоре как семиотическому феномену, свойственному языку в целом, позволило говорить об универсальности данного механизма; 2) метафора базируется на сравнении, аналогии, но одновременно и преодолевает ее, порождая синтетическую модель, объединяющую свойства главного и вспомогательного объектов; 3) идея интеракционности метафоры позволяет актуализировать ее когнитивную природу, так как для осуществления метафоры необходимо, чтобы автор и адресат обладали общей системой когнитивных моделей.

Исследование метафоры в филологии и лингвистике первоначально связано с функционально-стилистическим направлением. Метафора рассматривается как неотъемлемый компонент художественного текста. Однако описание системно-структурных параметров лексики приводит к выявлению метафоричности как ключевой категории языка. Теория регулярной многозначности формируется на базе целого ряда исследований, посвященных выявлению системно-структурных аспектов лексического уровня языка. Эта проблема исследуется в работах целого ряда лингвистов (Ю.Д. Апресян, Н.Д. Арутюнова, Л.Г. Бабенко, Ш. Балли, Н.И. Бахмутова, В.Г. Гак, Л.М. Васильев и др.). Методики описания регулярной многозначности и выявленные модели позволили, в свою очередь, актуализировать проблему языковой картины мира, так как обнаруженная несимметричность моделей регулярной многозначности в разных языках требовала теоретического обоснования. Теоретическая концепция образного строя языка (Е.А. Юрина), развивающаяся на базе теории лексической мотивации (О.И. Блинова), рассматривает типовые образные представления, сформированные культурной традицией и закрепленные в языковой практике, выявляя образные, метафорические основы национального мышления.

При активнейшем интересе к метафоре со стороны философов и лингвистов вопрос о гносеологическом потенциале метафоры возникает и начинает решаться недавно. Одним из первых обращается к этой проблеме Х. Ортега-и-Гассет, говоря о двух функциях метафоры в гносеологической деятельности. Научный дискурс актуализирует гносеологический потенциал, поэтический – экспрессивный, но, так или иначе, речь идет об одном когнитивном феномене. Успешно развивается эта проблематика в работах В.В. Петрова С.С. Гусева, В.А. Суровцева, В.Н. Сырова, Е.О. Гогоненковой. Научная метафора рассмат-

ривается как неотъемлемый компонент научной деятельности, каждая метафора, в том числе и экспрессивная, является в определенном смысле гипотезой о новых свойствах объекта. Именно в гипотетичности заключается эвристичность метафоры. Исследуется специфика научной критики, проявляющаяся как деконструкция метафорического текста. Философское осмысление феномена метафоры позволяет говорить о базовом его статусе в процессе научного познания. Когнитивная концепция метафоры, обобщая результаты исследований в области метафорологии, предлагает рассматривать метафоризацию как феномен психический, как ментальный механизм, обеспечивающий концептуализацию мира.

В последнее время появляется все больше работ, в которых исследуется роль метафоры в различных научных областях. Выявлены две точки зрения на роль метафоризации в научном познании. Первая точка зрения трактует метафору в науке как основной принцип научной деятельности, как базовый механизм, лежащий в основе научного мышления (Манин 2008; Анкерсмит 2003). Сфера науки (как в целом, так и частные научные области) моделируются таким же образом, как литературные квазиреальности и другие области, имеющие виртуальную природу.

Текстовые метафоры, определяющие специфику представления объекта исследования, метафорическая природа термина рассматриваются в работах лингвистов (Алешина 2003; Степанов 1995; Плисецкая 2003; Галкина 2004; Дьяченко 2003), философов (Ермоленко 2001), биологов (Седов 2000; Шмерлина 2001).

Эвристичность и информационная емкость метафоры напрямую связаны с ее свойствами: соединением в механизме метафоризации двух принципиально отличных друг от друга способов осмысления мира: интуитивного и рационального; синтетичностью метафорической модели, включающей как новую, так и уже известную информацию; компрессивностью: метафорическое моделирование всегда предполагает выбор языковой единицы, представляющей признак, значимый для отображения свойств объекта, но при этом ассоциативные связи выстраивают образ целостной ситуации. Специфичной является также интеракциональность метафорической модели, связанная с гештальтно-фреймовой организацией. Метафорический образ специфичен тем, что он поразному организован для того, кто метафору порождает, и для того, кто ее воспринимает.

Ключевым для исследования является понятие «*концептуальная метафора*», понимаемая нами вслед за целым рядом исследователей (Дж. Лакофф, М. Джонсон, Н.Д. Арутюнова, А.Н. Баранов, А.П. Чудинов, З.И. Резанова и мн.др.) как *базовая когнитивная модель, основанная на аналогии и позволяющая осмыслять объекты (явления, сущности) на основе знаний о других объ-*

ектах (явлениях, сущностях). Эта модель получает регулярное выражение в языке, дискурсе, тексте в виде целостной системы метафорических выражений: от традиционного лексико-семантического варьирования до модели, участвующей в выстраивании целостного текста, либо дискурса. Вследствие того, что концептуальная метафора принадлежит когнитивной сфере, ее реализация в языке обозначается как *метафорическая модель*, объединяющая систему речевых репрезентантов – *метафор*.

Типологизация концептуальной метафоры была осуществлена в работе Дж. Лакоффа и М. Джонсона. Онтологические метафоры представляют результаты концептуальных операций на базе доязыкового опыта и проецируют самые общие параметры некоторых базовых понятий, таких как объект, вещество, живое/неживое,местилище. Ориентационные (пространственные) метафоры концептуализируют пространственные параметры: ориентацию и направление движения, а также виды пространства (открытое/закрытое), схемы структурирования пространства (центр – периферия) и маршруты движения (начало движения – путь – цель). Структурные метафоры проецируют структуру одной понятийной сферы на другую, представляя детали организации, внутреннее устройство второй понятийной сферы.

Данная типология концептуальной метафоры не противоречит результатам анализа научного текста и вполне адекватна им, поэтому в данном исследовании она избирается в качестве базовой.

Типология метафорических моделей, получающих реализацию в научном тексте, выстраивается **на основе анализа их функционирования**.

Анализ научных текстов позволяет говорить о нескольких **уровнях функционирования** метафорических моделей, связанных с дискурсивной специализацией средств естественного языка, которая напрямую касается и отбора метафорических моделей, задействованных в моделировании ментального пространства той или иной научной сферы.

1. *Уровень научного текста.* Любой дискурс воплощается как массив текстов, создаваемых на пересечении интеллектуальных интенций автора и дискурсивных параметров, поэтому научный текст включает метафорические модели, выстраивающие научный дискурс как ментальное пространство.

2. *Уровень научной парадигмы.* В рамках научной коммуникации гносеологическая модель, представленная в одном из научных текстов, приобретает интертекстуальный характер – заимствуется в качестве базовой или критикуемой (отвергаемой). Система научных текстов, реализующих подобные метафорические модели, образует парадигму. Одновременно с парадигмальной моделью формируется и терминологическая система, коррелирующая с парадигмальной метафорой.

3. *Уровень научного дискурса.* Метафорические модели терминологического или парадигмального характера могут выходить за пределы дискурса отдельной научной дисциплины и оказываются востребованными в других сферах, оказывая, таким образом, влияние на модели представления объекта описания в рамках других дисциплин.

4. *Интердискурсивный уровень.* Он предполагает еще более существенное расширение сферы функционирования научных метафорических моделей, переход их в область культуры, образования, общих областей знания.

В третьей главе «**Метафорическое моделирование пространства научной деятельности: дискурсивно-онтологическая метафора**» описывается первый этап моделирования научного дискурса, начинающийся с оформления пространства научной деятельности, конструируемого на основе переноса физических способов действия в сферу абстрактного. В этой связи данный уровень моделирования может быть назван онтологическим, определяющим базовые параметры дальнейшего моделирования. Метафорические модели, функционирующие на этом уровне, представляют результат работы древних гносеологических механизмов, формируют для носителя языка онтологизированное знание – систему исходных представлений о реальности, в т.ч. и о реальности научной, репрезентируются в тексте «стершимися» языковыми метафорами. В силу того, что термин «онтологическая метафора» уже задействован в терминосистеме Дж. Лакоффа и М. Джонсона, в работе предлагается использовать для наименования модели этого уровня термин **дискурсивно-онтологическая метафора**, актуализируя роль моделей этого типа в онтологизации дискурса как отдельной ментальной области.

Функцию дискурсивно-онтологического моделирования обычно выполняют пространственные и онтологические метафорические модели, а также некоторые структурные.

Параграф 3.1. «Онтологическая и пространственная метафорическая модель как основа моделирования ментального пространства науки» посвящен исследованию роли пространственных и онтологических метафор в создании ментального пространства научного дискурса.

Осмысление науки в целом, отдельных дисциплин, направлений и научных школ реализуется прежде всего через пространственные метафоры и может быть обозначено как «наука – это физическое пространство»: **научная область**. В качестве отдельного пространства может быть осмыслен любой абстрактный феномен. При этом научные пространства не являются изолированными. В рамках пространства науки расположены объекты исследования, сам исследователь, его оппоненты, происходит научное взаимодействие. Сопоставление абстрактных феноменов может происходить как пространственное соотнесение. Например: **Область идеологии совпадает с областью знаков** (В.Н. Волоши-

нов). Пространственное описание научной сферы в большей части связано с горизонтальным параметром: это области и границы между ними. Вертикальная ориентация выступает в качестве сферы-донора в связи с необходимостью качественной оценки. Вертикальное маркирование «надземного» пространства осуществляется с привлечением понятия «высокий/низкий уровень»: *потребности «более высокого уровня» отступают на второй план* (С.Г. Кара-Мурза). Вторая часть модели связана с объектами, расположенными ниже уровня опорного пространства, и, соответственно, основной параметр измерения в данном случае – это глубина. Подобные пространственные объекты интерпретируются как препятствие (*глубокие различия*), так как нахождение в «подземном» пространстве связано с трудностями восприятия и получения объектов любого типа. Достижение «скрытого в глубине» объекта – цель научного действия и условие успешного результата: *Для того, чтобы разобраться в хитросплетении этих противоборствующих причин и следствий, необходимы разноплановые исследования и глубокий анализ исследуемых проблем* (Е.В. Ковалевская).

Пространственная метафора в научном дискурсе пересекается с онтологической моделью **вместилище**, что характерно и для общекогнитивной сферы. Она основывается на значимом для когнитивной сферы европейцев параметре, отмеченном еще в работе Б. Уорфа, проявляющемся в том, что практически любая сущность, физическая или абстрактная, может быть осмыслена в терминах *формы и содержания*: **Внутри самой области знаков, т.е. внутри идеологической сферы, существуют глубокие различия: ведь сюда входят и художественный образ, и религиозный символ, и научная формула, и правовая норма** (В.Н. Волошинов). Пересечение моделей позволяет дифференцировать собственно онтологический и гносеологический аспекты: онтологические сущности представляют собой содержимое, а все, что связано с их категоризацией и классификацией, – вместилище.

О тесной взаимосвязи категории пространства и визуального восприятия свидетельствует целый ряд метафор, репрезентирующих модель «познание – видение». основополагающий статус визуального восприятия отмечается многими исследователями. Активное вовлечение «принципа наглядности» в научный дискурс позволяет предположить, что с ним ассоциируется сам процесс познания и понимания (Рябцева 2005). Наличие в любом научном тексте значительного количества выражений **Видимо...; Рассмотрим ...** и отсутствие лексических маркеров других видов восприятия свидетельствует о том, что научное познание тесно связывается с визуальной информацией. Использование визуальной метафоры связано с интенцией автора сформировать у читателя текста представление о достоверности приводимых данных, приглашая его к совместному визуальному наблюдению объекта. Привлечение этой модели в на-

учный дискурс позволяет представить различные планы восприятия объектов и процессов, показать зависимость свойств наблюдаемого объекта от пространственной позиции наблюдателя (*Такая точка зрения на алгоритмы позволяет увидеть неожиданные аналогии и постановки задач, заслуживающие обдумывания (Ю.И. Манин)*). Здесь находит свое отражение еще один аспект опыта визуального восприятия многомерных объектов – невозможность одновременного видения всех сторон предмета. Абстрактная сущность осмысливается как многомерный, не плоскостной объект, а его исследование – как взгляд с одной из сторон. Для того, чтобы составить полное, объективное представление об объекте исследования, требуется **всестороннее рассмотрение**. При выборе объекта исследования значимым параметром выступает анатомо-физиологическая ограниченность восприятия углом зрения, поэтому объект исследования осмысливается как попавший/не попавший в **поле зрения**. Со сферой визуального восприятия связана бинарная модель «познание – свет, отсутствие познания – тьма». Данная модель базируется на особенностях устройства человеческого зрения. Свет выступает в качестве необходимого условия познания и поэтому процесс познания, его этапы, ассоциируется с процессом освещения и напротив: *Навсегда темными остаются для нас те особенности нашей душевной жизни, которых мы не выразим никакими средствами (А.А. Потемня)*.

Вторая важная базовая модель «нечто – объект/вещество» позволяет адаптировать для познания любые абстрактные сущности, оформляя их как объекты различной структуры и определить способы оперирования ими. Осмысление абстрактной сущности как вещества или объекта позволяет смоделировать такие ее параметры как дискретную/недискретную природу и способность к трансформации.

Онтологическая метафора «нечто – объект/вещество» является основой для образования практически любой структурной метафоры, моделирующей конкретные объекты с определенным набором свойств или характерные для науки виды действий. Например, если рассмотреть структурную метафору «метод – инструмент», то построение подобной модели возможно только на основе более глубинной онтологической метафоры «метод – физический объект». Подобное сворачивание информации в метафоре, своего рода структура «матрешки», наблюдается в большинстве текстовых метафор. В частности, это относится почти ко всем метафорическим терминам.

Понимание науки как ментального пространства определяет способы моделирования действий в нем – в первую очередь это движение: *На примере счета ясно **виден переход** от подсчетов малых количеств предметов («человеческий масштаб») к масштабам экономики целого государства (Ю.И. Манин)*. При этом движение не является хаотичным, а выстраивается на основе кинестетических моторных программ: источник – путь – цель; центр – периферия.

Процесс познания осмысляется как путь, при этом в фокус метафоризации может попадать сам процесс движения: *мы переходим к выводам*; либо как маршрут, показывающий направление, правильное, позволяющее достигнуть цели, или неправильное, препятствующее достижению: *Эти исследования велись в разных направлениях, и с различными целями* (А.А. Залевская). В качестве цели движения выступает научная проблема. Образ-схема «центр – периферия» регулярно реализуется в научных текстах, выполняя ту же роль, что и в других типах дискурса, – определение значимости, важности явления, объекта. Данный тип ментального позиционирования связан со спецификой восприятия – человек лучше воспринимает то, что находится непосредственно перед его глазами (центр восприятия), периферийные же участки, воспринимаемые боковым зрением, не видны во всех подробностях, деталях: *Опыт наук XVIII в. поставил в центре его внимания вопрос о закономерностях такого движения познающей мысли* (М.К. Мамардашвили).

Второй значимый тип действия, осуществляемый по отношению к объектам науки – конструирование и деконструирование, что отвечает основным установкам научного познания: анализу объекта и синтезирования новой модели его представления. Познавательное мышление изначально метафорически осмыслялось как действие, вносящее дискретность в континуальность бытия, разделяющее это бытие на познанное, понятое, освоенное и неизвестное. В современном научном тексте для моделирования способов научного действия активно привлекаются глаголы деконструирования. Процесс анализа тесно связан с представлением деконструкции объекта: *разделение, вычленение, выделение*. При этом любой тип объекта, попадающий в сферу научного познания, изначально мыслится как конструктивный – поддающийся деконструкции без утраты основополагающих свойств. Это позволяет говорить о механистической доминанте даже в сфере наук естественных, имеющих дело с живыми объектами, способными утратить значимые свойства в результате деконструкции.

С другой стороны, синтез, создание новых наук, концепций понимается как конструирование. Доминантной сферой-донором выступает представление не о любом конструктивном объекте, а о здании, в большинстве случаев интерпретируемом как *фундамент* и собственно *строение*. Фундамент осмысляется как наиболее значимая часть, от которой зависит прочность и устойчивость здания. Именно эта метафорическая модель выступает в качестве базовой при квалификации наук и разделении их на *фундаментальные* и *прикладные*, а также при выделении в рамках каждой из дисциплин фундаментальной и прикладной части.

Абстрактная сущность, осмысляемая как физический объект, может быть наделена более конкретными чертами: растения, живого существа, человека. Метафорическая модель «нечто – растение» используется в научном дискурсе

для представления абстрактных процессов как обладающих собственным жизненным циклом, автономным бытованием и, соответственно, независимо протекающих. Данная модель является одной из наиболее востребованных для отображения различного рода иерархий и представлений отношений зависимости или близости: *Две науки, бывшие единой ветвью на древе познания, к нашему времени далеко разошлись (Ю.И. Манин).*

Анимационная метафора также основана на фундаментально значимом разграничении – способности отличать животное от растений и неживой природы. Понятийная сфера «животное», выступая в качестве исходной области метафорического моделирования, позволяет актуализировать ряд основополагающих признаков. Она позволяет перенести акцент с реального деятеля – ученого, исследователя – на модельный субъект. Эта замена служит для актуализации параметра объективности: ученый выступает не как активный субъект, действующий в пространстве науки, а как субъект-наблюдатель, лишь фиксирующий независимую от него реальность.

Из сферы живого/одушевленного в научный дискурс привлекаются представления о жизненном цикле живого существа. Это позволяет представить появление, образование абстрактной сущности, а также связь между различными сущностями как естественный процесс, происходящий без контроля человека. Именно поэтому из понятийной сферы *живое/одушевленное* привлекается фрейм «возникновение живого существа»: **Объект** – это то, на что направлен процесс познания, все то, что явно или неявно содержит социальное противоречие и **порождает проблемную ситуацию** (М.К. Мамардашвили). С различием между живым и неживым тесно связана актуализация той или иной научной проблематики. Противоположные состояния (жизнь – смерть) проецируются на наличие/отсутствие развития, функционирования. При этом выделяются фазы перехода из живого в неживое: от старости, конца жизненного цикла (**отживающие теории**) до полного перехода – смерти (**мертвые теории**). Однако нетождественность абстрактных сущностей и живых существ осознается вполне, что позволяет трансформировать исходную модель, нарушив правило необратимости смерти для живого, в этой новой модели мертвое может породить живое. В метафорическом отображении наблюдается симметрия.

Понятийная сфера «человек» задействована в структурировании представления об абстрактных сущностях научного дискурса, но избирательно: единственным репрезентантом «функциональной» анатомии человека в данной сфере является интеллектуальное орудие – мысль. При моделировании пространства научного дискурса в качестве исходной понятийной сферы чаще всего выступает область социальных отношений от наиболее древних моделей межличностного взаимодействия, связанных с осмыслением категорий принадлежности (*Подынтегральное выражение в (12) может иметь интегрируемые*

особенности в точках $s = 0, 1$ (Е.В. Губкина)) и собственности (множество T невыразимо в языке LA_r , если **язык L достаточно богат** (В.Е. Федюкович)), до вербальной коммуникации как наиболее совершенной формы коммуникативного взаимодействия (*Об этом говорят объективные показатели, не зависящие от идеологических оценок* (С.Г. Кара-Мурза)).

В научном дискурсе получают переосмысление иерархические социальные отношения (...почему оказалось, что **паскалевский «порядок» управляет нашей символической деятельностью, и действительно ли она «бесполезна при всей своей глубине»** (Ю.И. Манин)), а также первичные варианты культурного взаимодействия: **игра** и **картина**. В качестве наиболее древних и традиционных способов моделирования реальности давно осмысляются ритуал и изображение – вторичные моделирующие системы, формирующие динамическую и статическую модели мира. Ритуал тесно связан с понятием игры и трансформируется далее в целый ряд игровых действий. В фокус метафоризации попадают различные аспекты, связанные с неоднозначной интерпретацией феномена игры. В научном дискурсе могут быть актуализированы условия протекания игры – наличие правил, определяющих поведение участников в рамках этой деятельности. Попадает в сферу рефлексии и особая черта феномена игры – модельный характер, или то, что принято называть «условностью». Игра, даже самая серьезная – это всегда некоторое условное действие, творящее свою виртуальную реальность: *Реальная история – продукт этого притворства, этой условной игры* (М.К. Мамардашвили). Наиболее последовательно реализуется понимание функции элемента как его театральной роли, что позволяет уточнить параметры функционирования: смоделировать некоторый феномен как отдельное пространство (...**сознание ... играет роль на арене бытия** (М.К. Мамардашвили)); указать на функцию и ее определяющий характер относительно действий актера, собственно роль (**роль публичного ключа проверки, Институциональное общение – это коммуникация в своеобразных масках** (В.И. Карасик)); указать на ранг, статус функции в этой смоделированной иерархической системе (...**использование приведенных высказываний вовсе не имело целью умалить роль вербального кода** (А.А. Залевская)). При этом значимой представляется и позиция исследователя как зрителя – наблюдателя, определяющего все эти параметры смоделированной системы.

Сложившееся положение дел, общее представление, детали, отдельные аспекты интерпретируются как картина, при этом может быть актуализирован ее модельный характер. Однако можно говорить об амбивалентности данной модели. С одной стороны фокусируется аспект наблюдателя, воспринимающего визуальную реальность в непосредственной данности. Это позволяет представить некоторое состояние как объективно протекающее, находящееся вне сферы влияния наблюдателя: *То, что мы получили в результате этих исследова-*

ний, представляет собой **высокотехническую картину взаимосвязей** (Ю.И. Манин). С другой стороны, когнитивная модель «картина» предполагает наличие не только наблюдателя, но и автора, что позволяет смоделировать ситуацию «ментальное пространство внутри ментального пространства» и указать на то, что автор, создающий картину, избирательно относится к действительности, включает в свою модель не все ее свойства: *Столь незначительный вклад этого фактора в общую картину объясняется равномерным характером увлажнения всей территории* (И.А. Бех, А.М. Данченко). Важна информационная значимость картины, связанная с ее семиотической природой. Картина может быть проинтерпретирована как сообщение, несущее более или менее достоверную информацию.

Четвертая глава **«Метафорическое моделирование научного феномена: гносеологическая метафора»** посвящена описанию функционирования гносеологической научной метафоры.

Анализ специфики формирования внутритекстовой метафорической системы, отражающей модель объекта исследования, показал, что в различных гуманитарных сферах этот процесс осуществляется подобным образом. Специфичными параметрами являются меньшая определенность объекта описания в философском дискурсе и, в связи с этим, меньшая научная строгость текста, что влечет за собой апелляцию к моделям аксиологического типа. Например, в статье «Язык и смерть» В.П. Руднев, чтобы охарактеризовать современное состояние лингвистики и философии языка, обращается к парадигмальным моделям, определяющим развитие этих гуманитарных наук в XX в. (**Язык – это деятельность; Язык – это структура**) и встраивает их в аксиологическую шкалу архетипической модели «жизнь – смерть», где жизнь оценивается положительно, а смерть – отрицательно. Таким образом автор дает косвенную оценку конкурирующим концепциям и видит выход из кризисного состояния, обусловленного подходом к языку как «мертвому» объекту, в признании ведущей роли психоаналитической модели, рассматривающей язык как действие, как ассоциативный механизм.

Исторический текст моделируется как целостный образ прошедшего, но с обязательным включением фактографической информации, что не исключает его метафоричности. При моделировании в историческом тексте также возможно обращение к аксиологически ориентированным архетипическим моделям. Например, в работе С.Г. Кара-Мурзы «Гражданская война (1918–1921). Урок для XXI века» гносеологическая модель, выстраиваемая системой текстовых метафор, по-новому представляет цепь исторических событий 1917–1918 гг. и формирует отличный от сформированных ранее образ ситуации. Естественное развитие русской государственности было нарушено насильственным воздействием представителей государственности западного типа (Фев-

ральская революция 1917 г.), но эта государственная система была отвергнута, так как не являлась органичной для русского народа, что повлекло за собой резкое обострение ситуации и войну, однако в этом конфликте государственность–агрессор (буржуазно-либеральная) была отвергнута окончательно – народ выбрал большевиков и Советское государство как новое воплощение традиционного типа государственности. ИмPLICITная оценочность реализуется за счет апелляции к моделям, реализующим культурно закрепленные оценочные смыслы: «свой – чужой», «креативность – деструкция».

Для научного дискурса особую значимость имеют интертекстуальные и интердискурсивные связи, обеспечивающие взаимосвязность и целостность познавательной деятельности. Интертекстуальность реализуется, в том числе, в форме вовлечения в текст метафорической модели представления объекта исследования. Гносеологическая метафорическая модель, созданная в отдельном тексте, выходит за его пределы и занимает позицию интертекстуального компонента, выступая в качестве негативного или позитивного образца. Модель, избранная в качестве позитивной, детализируется и подвергается трансформации в процессе поиска новых свойств объекта. Но в связи с тем, что ни одна эпистемологическая модель, даже парадигмальная, не является полностью адекватной объекту исследования, наступает момент, когда эмпирические данные об объекте исследования не укладываются в рамки этой модели и происходит ее замена. Процесс выбора опорной модели в разных научных областях осуществляется подобным образом. В работе подробно рассматривается механизм выбора опорной модели в работе А.А. Потебни «Мысль и язык».

Метафорическая модель, успешность которой проявляется в наиболее частом заимствовании ее в качестве опорной, становится парадигмальной и формирует доминирующие способы видения объекта. Исследованию подобных моделей посвящена работа Ю.С. Степанова «Изменчивый «образ языка» в науке XX века», в которой представлен ретроспективный ряд научных «образов языка». В последнее время все больше исследований посвящается описанию парадигмальных метафор в различных научных областях, например, парадигмальные метафорические модели генетики описаны в работе А.Е. Седова (2001).

Результаты проведенного анализа показывают, что отдельные научные области не являются изолированными, а взаимопроникновение концепций и терминов из одной области в другую приводит к формированию общедискурсивного пространства науки, где обнаруживаются свои «линии метафоричности» (Резанова 2007). Анализ метафорических терминосистем позволяет говорить о том, что гносеологическая (парадигмальная) метафора, задающая рассмотрение объекта исследования, влечет за собой целый спектр единиц, репрезентирующих эту модель и тесно с ней связанных. Исследование лингвистиче-

ского дискурса в этом аспекте дает интересные результаты. Сравнительно-историческое языкознание, выдвигая в качестве базовой анимационную модель, разворачивает ее в ряде терминов-метафор: *гнездо, ветвь, древо, семейство*. Структуральная концепция языка привносит целый спектр метафорических терминов, основанных на осмыслении категории пространства: *позиция, оппозиция, противопоставление, ряд, место в системе, уровень, сторона, движение* и т.п. Кибернетическая концепция Н. Хомского – «порождающая грамматика», основанная на анимационной метафоре, также повлекла за собой формирование терминологической группы: *порождение речи, порождение высказывания*. Эта базовая метафора, в свою очередь, послужила основой для формирования терминологических метафор в психолингвистике: *...в лексиконе перечисляются только производные единицы, к которым далее применяются некоторые правила порождения других единиц; часть устройства для порождения предложений* (А.А. Залевская).

Выход научной метафоры в сферу общекогнитивную приводит к возрастанию уровня абстрактности мышления при сохранении его глубинных «телесных» оснований. Семантические сдвиги, обусловленные научным видением мира, также получают закрепление в языковой картине мира и расширяют понятийную сферу носителей языка в целом.

Отдельный параграф посвящен метафоричности терминов и терминосистем. Терминологические системы предположительно являются семантически устойчивыми и однозначными, но результаты их анализа с точки зрения метафоричности показывают, что они подчиняются законам, по которым существует лексикон в целом. При формировании терминосистем активно действуют метафорические механизмы, и при этом метафорическая внутренняя форма термина осознается как «живая» метафора и помогает усваивать значение термина. Модели этого вида могут быть названы частнонаучными, так как обычно являются специфичными для той или иной научной области. Например, в астрономии – *черная дыра*; в генетике – *митотическое веретено*; в медицине – *яродольные гребешки*; в физике – *квантовые суперструны*; в теории вероятности – *волна вероятности*; в лингвистике – *словообразовательное гнездо*; в философии – *чистое самосознание*. Вопрос о степени образности метафорического термина также активно исследуется. Метафорические термины, давно функционирующие в науке, утрачивают свою «живую» метафоричность, но при этом переходят на уровень онтологизированного знания, включаясь в систему моделей глубинного, онтологического уровня. Функционирование уже готовой терминологической единицы, даже заимствованной из другого языка и поэтому не имеющей очевидной для носителя русского языка внутренней формы, часто связано с возникновением новых семантических оттенков и значений также предполагает метафорическое переосмысление.

Внутринаучное метафорическое взаимодействие происходит прежде всего между близкими научными областями. Такова, например, история функционирования некоторых метафорических терминов гуманитарной сферы, таких как *картина мира, пропозиция, референция, дискурс*, играющих значительную роль в современной философии, лингвистике, литературоведении, культурологии, истории, социологии.

Интердискурсивность может проявляться в привлечении в дискурс отдельной научной области целостной модели, фрейма из какой-либо области знания. В работе рассматривается модель, связанная с концептом «деньги», заимствованная из экономики и получающая различное преломление в работах лингвистов в зависимости от их видения основного объекта описания. Актуализируя различные аспекты понятия «деньги» и избирая их в качестве опорных, ученые моделируют значимые для них аспекты языка. Для А.А. Потебни важно объяснить, почему значимое для него понятие внутренней формы слова нивелируется во многих языковых единицах. Ф. де Соссюр акцентирует внимание на системном статусе языкового знака, на его зависимости от других знаков и потому в фокус метафорического переосмысления попадает номинал денежного знака. Для С.К. Шаумяна оказывается важным поиск формальных моделей в языке, и он актуализирует другой аспект: «деньги – эталон стоимости», и подобно им формальная языковая модель – эталон значения.

Результаты исследования метафорического моделирования в науке показывают, что мышление, пытаясь решить проблему адаптации нового знания, обращается ко всем индивидуальным информационным ресурсам: знаниям, личному опыту.

Активное функционирование отдельных метафорических моделей в различных научных областях и общедискурсивной сфере в целом приводит к формированию метафорических архетипов научного дискурса. От метафорических моделей дискурсивно-онтологического типа они отличаются тем, что регулярно используются именно в гносеологической функции и на этом основании могут быть названы *гносеологическими универсалиями*.

Результаты анализа позволяют говорить о том, что к подобным универсалиям относятся представления об объектах природной сферы: *дерево, поле, вершина, поток*, а также область человека в его телесном проявлении. Фитоморфная метафора отличается тем, что при гносеологическом моделировании в качестве базового фрагмента исходной понятийной области избирается структурный аспект: *генеалогическое древо, квадратный корень, земная кора*.

Ландшафтная метафора вовлекает в процессы метафоризации представления об устройстве окружающего мира. Ключевыми являются два типа ландшафта: 1) свободное, открытое пространство значительного размера, но при этом ограниченное, заполненное однородными объектами (*феноменальное по-*

ле; *векторное поле скоростей*); 2) пространство, находящееся на значительной высоте (*вершина иерархии, вершина графа*).

Метафорическая модель «нечто – поток» позволяет представить любую абстрактную сущность, процесс как движущуюся в ограниченном с двух сторон пространстве воду: *поток ассоциаций, поток частиц, поток генов*.

Активно задействовано в процессах формирования гносеологических универсалий представление о биологических аспектах человека: 1) «нечто – это тело»: *тело знака; мозолистое тело*; 2) модель «нечто – сила»: *сжимающая сила; теория сильных взаимодействий*.

Второй фокус метафорической концептуализации – наиболее ранний способ социальной организации: *род, семейство, семья*. При группировке объектов на основе какого-либо сходного признака или связанных причинно-следственными отношениями, используется именно эта модель: *языковая семья; семейства множеств без перекрытий*.

Многие исследователи (М. Арбиб, С.С. Гусев, Ю.И. Манин, С.Е. Никитина, В.Н. Прохорова, А.И. Седов) отмечают, что «антропоморфная» метафора вновь актуализируется в современной науке, приходя на смену «машинной». Расширением сферы человека может выступать область артефактов как результатов человеческой деятельности, получающая метафорическое отображение в области научного дискурса.

Метафора «нечто – ткань» характерна для целого ряда научных областей: *ткань производства, ткань хрящевая*. Вариантом «тканевой» метафоры выступает метафора «нечто – сеть». Сеть связывает в единое целое различные объекты, создавая структуру и «не выпуская» их за пределы этой структуры. Не случайно эта модель появляется в лингвистике в структуралистских текстах: *сеть функций*. Анализ текстов самых различных областей научной деятельности показывает широкое распространение этой модели: *сеть художественных конвенций; разностная сетка*. Метафорический термин оказал влияние на трансформацию семантики слова «сеть» в языке в целом. Широко употребляются в настоящее время выражения *коммуникационные, электрические, телефонные сети*. Феномен Интернета также получает название «сеть».

Наиболее отрефлексированной в науке является метафорическая универсалия, базирующаяся на понятийной области «механизм». Она по-разному именуется в различных работах, но чаще всего используется термин «машинная» метафора. Способ познания, базирующийся на «машинной» метафоре, предполагает взгляд на космос как на гигантскую машину. Человек, выступая создателем действующих механизмов, переносит принципы конструирования и деконструкции на весь познаваемый мир. Научные открытия Нового времени утверждают правильность такого представления о мире, здесь стоит вспомнить астрономическую «небесную механику», когда планеты открывали, не глядя в те-

лескоп, а «на кончике пера», выстраивая математическую модель (Гусев 1984). Метафорическая модель «нечто – механизм» получает выражение в целостной системе детализирующих структурных моделей: «тело человека – работающий механизм», «языковая деятельность – производство» (производство речи), «мыслительная деятельность – производство» (производство знания), «человеческий интеллект – компьютер», «наука – производство знания». В работе М.К Мамардашвили «Формы и содержание мышления» метафорическая модель «наука – производство знания» реализована в тексте посредством целостной системы метафор: автор моделирует научное познание как *производство* (завод), на котором посредством прилагаемого *труда вырабатываются* знания, от способов получения знания – *форм мышления* (технологий) – зависит итоговый продукт. Данная модель противопоставляется метафорической модели «получение знания – отражение, картина», представленная, по мнению автора, в работе Г. Гегеля.

Метафорические модели «нечто – игра», «нечто – картина» также функционируют в качестве гносеологических универсалий. Вовлечение понятийной сферы «искусство» в научный дискурс может показаться парадоксальным, но соотношение глубинных основ этих видов деятельности еще мало исследовано. Функционирование метафорической модели «нечто – игра» в лингвистическом и экономическом дискурсе было рассмотрено в работе З.И. Резановой, универсальность этой модели для экономики и теории вероятности исследуется в работе Ю.И. Манина. Не менее значима для научного дискурса и когнитивной сферы в целом модель «нечто – картина». Сфера использования ее очень широка и она вполне заслуживает статуса общекогнитивной: бытование термина «картина мира» обнаруживается во всех научных областях. Модель «нечто – картина» как гносеологическая универсалия вполне согласуется с онтологической установкой научного дискурса на визуализацию знания.

Универсальные гносеологические модели могут подвергаться трансформации под воздействием изменений, происходящих в общей системе знания. С появлением такой новой формы пересоздания реальности, как кинематограф, рассмотренные выше метафорические модели объединяются. Р.О. Якобсон, рассматривая семиотику кинематографа, говорит о том, что кинематограф вмещает в себе два вида пересоздания реальности, трансформируя их, и метафорическая модель «картины» преобразуется в метафору «кадр». В качестве иллюстрации этого может быть рассмотрено и название одной из работ Ю.С. Степанова «*Субъектность или эгоцентризм французского кадра*». В связи с этим появляется новая понятийная область, выступающая в качестве источника для метафорических моделей новых направлений лингвистики: *фрейм, рамка, сценарий*. Наиболее показательна парадигмальность этой метафорической модели реализована в работе В.З. Демьянкова «Семантические *роли* и *об-*

разы языка»: когда говорят, что концепт, выражаемый некоторым словом в предложении, «играет» семантическую роль агенса, имеют в виду, что в картине, входящей в смысл всего предложения, в данном месте (в данной «прорези») видится действующее одушевленное существо... Указывая на различие подходов в понимании языка, автор опять актуализирует кинематографическую метафору, акцентируя внимание на разных ее аспектах: для лексикографического подхода более важен признак «роль в фильме», а для философского – «свойства актера».

Универсальность использования некоторых метафорических моделей позволяет говорить о более глубоком междискурсивном взаимодействии, включающем, с одной стороны, осознание четкой дифференциации дискурсивных областей, с другой – осознание синтетичности мира как внешнего, так и внутреннего, единства мира в его многообразии.

Заключение обобщает результаты исследования и намечает возможные перспективы дальнейшей работы в этом направлении.

Сфера науки как оформленная институциональная сфера обладает своим институциональным дискурсом, который представляет собой триединство правил коммуникативного поведения и порождения текстов, формации текстов как результата коммуникации в социальной сфере и дискурсивной картины мира. Научный дискурс как целостное коммуникативно-когнитивное пространство моделируется посредством использования различных лингвокогнитивных моделей. Наиболее гибким и активно задействованным в познавательных процессах инструментом являются метафорические модели. Они позволяют синтезировать образы отдельных объектов путем проецирования представлений об одном объекте на другой. Это позволяет по-новому взглянуть на феномен метафоры в аспекте его гносеологической значимости. В языковом плане научная реальность моделируется таким же образом, как создаются другие области, имеющие виртуальную природу.

Метафорическая концептуализация задействована на разных уровнях научной деятельности. Она выступает как базовый когнитивный механизм при формировании науки как отдельного ментального пространства, создании моделей представления объекта исследования, активно участвует в терминообразовании. Метафоризация в науке – значительно более глубокое явление, нежели предполагалось ранее, так как сам факт оперирования воображаемыми абстрактными сущностями возможен лишь на базе аналогического мышления.

Синтетичность когнитивной сферы человека проявляется в том, что метафоры могут выходить за пределы своих научных областей и оказывать значительное влияние на формирование и развитие науки и когнитивной сферы в целом. Функционирование гносеологической метафоры выходит и в общекогнитивную сферу, что способствует возрастанию уровня абстрактности мышления

при сохранении его глубинных «телесных» оснований. Результаты исследования метафорического моделирования в науке показывают, что в процессах познавательной деятельности человек обращается ко всем индивидуальным информационным ресурсам, что ведет к формированию интердискурсивных моделей гносеологического типа, своего рода гносеологических универсалий. Эта проблематика открывает перспективы для дальнейшего исследования роли метафорического моделирования научного дискурса.

Основное содержание диссертации отражено в публикациях:

Монографические издания:

1. Мишанкина, Н.А. Метафора в науке: парадокс или норма? [Текст] / Н.А. Мишанкина – Томск : Изд-во Том. гос. ун-та, 2010. – 250 с.

2. Мишанкина, Н.А. Метафорические модели звучания в русской языковой картине мира [Текст] / З.И. Резанова, Н.А. Мишанкина, Д.А. Катунин // Метафорический фрагмент русской языковой картины мира: ключевые концепты : [коллектив. монография] / отв. ред. З.И. Резанова. – Воронеж, 2003. – Ч. 1. – С. 76–145.

3. Мишанкина, Н.А. Метафорические модели звучания [Текст] / Н.А. Мишанкина // Картины русского мира: аксиология в языке и тексте / ред. З.И. Резанова. – Томск : Изд-во Том. гос. ун-та, 2005. – С. 164–194. (Монографии. Вып. 13).

4. Мишанкина, Н.А. Ценностные картины современной чат-коммуникации [Текст] / З.И. Резанова, Н.А. Мишанкина // Картины русского мира: аксиология в языке и тексте / ред. З.И. Резанова. – Томск : Изд-во Том. гос. ун-та, 2005. – С. 296–327. (Монографии. Вып. 13).

5. Мишанкина, Н.А. Роль метафоры в моделировании научных образов языка [Текст] / Н.А. Мишанкина // Картины русского мира: образы языка в дискурсах и текстах : [коллектив. монография] / ред. З.И. Резанова. – Томск : ИД СК–С, 2009. – С. 129–173.

Публикации в ведущих научных журналах, рекомендованных ВАК:

6. Мишанкина, Н.А. Метафорическое моделирование в языковой картине мира (к обоснованию методов исследования) [Текст] / З.И. Резанова, Н.А. Мишанкина, Д.А. Катунин // Вестник Томского государственного университета. Сер. Философия. Культурология. Филология. – 2003. – № 277. – С. 164–171.

7. Мишанкина, Н.А. К вопросу о метафоре звучания в поэзии И. Бродского [Текст] / Н.А. Мишанкина, О.В. Орлова // Вестник Томского государственного педагогического университета. Сер. Гуманитарные науки (Филология). – 2004. – Вып. 1 (38). – С. 34–37.

8. Мишанкина, Н.А. Интерпретационный потенциал новых лингвистических объектов (на материале интернет-коммуникации) [Текст] / З.И. Резано-

ва, Н.А. Мишанкина // Сибирский филологический журнал. – 2004. – № 3–4. – С. 109–113.

9. Мишанкина, Н.А. Контент-анализ историографического источника (к вопросу о междисциплинарности лингвистических методов) [Текст] / Г.В. Можяева, Н.А. Мишанкина // Вестник Томского государственного университета. – 2007. – № 294. – С. 52–61.

10. Мишанкина, Н.А. Ментальное пространство научного текста: метафорические модели [Текст] / Н.А. Мишанкина // Вестник Томского государственного университета. – 2007. – № 297. – С. 7–11.

11. Мишанкина, Н.А. Метафорические модели лингвистического дискурса [Текст] / Н.А. Мишанкина // Вестник Томского государственного университета. – 2009. – № 324. – С. 41–49.

12. Мишанкина, Н.А. Специфика метафорического моделирования научного дискурса [Текст] / Н.А. Мишанкина // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2010. – № 1. – С. 37–47.

13. Мишанкина, Н.А. Научная коммуникация в аспекте лингвокогнитивного моделирования [Текст] / Н.А. Мишанкина // Вестник Томского государственного университета. Филология. – 2010. – № 1 (9). – С. 70–80.

Публикации в других научных изданиях:

14. Мишанкина, Н.А. Метафорические образы звучания сферы неодушевленного [Текст] / Н.А. Мишанкина // Актуальные проблемы мотивологии, дериватологии, лексикографии : межвуз. сб. статей. – Томск : Изд-во Том. гос. ун-та, 1998. – С. 239–245.

15. Мишанкина, Н.А. Язык о языке: метафора звучания человеческой речи [Текст] / Н.А. Мишанкина // Православие и Россия: прошлое, настоящее, будущее : мат-лы Духовно-исторических чтений. – Томск : Изд-во НТЛ, 1998. – С. 207–211.

16. Мишанкина, Н.А. Язык о человеке: образы звучания [Текст] / Н.А. Мишанкина // Язык и культура : сб. научн. статей XIII Междунар. научно-методической конф., посвященной 120-летию ТГУ / Том. гос. ун-т. – Томск, 1999. – С. 3–8.

17. Мишанкина, Н.А. Метафора и мифологическое мышление [Текст] / Н.А. Мишанкина // Коммуникативные аспекты языка и культуры : сб. научн. статей и тезисов I межвуз. Научно-практич. конф. студентов, аспирантов и молодых ученых / Том. политех. ун-т. – Томск, 2001. – С. 93–95.

18. Мишанкина, Н.А. Метафорические образы русского саундшафта [Текст] / Н.А. Мишанкина // Проблемы русистики : мат-лы Всероссийск. научн. конф. «Актуальные проблемы русистики», посвященной 70-летию проф. О.И. Блиновой. – Томск : Изд-во Том. ун-та, 2001. – С. 139–142.

19. Мишанкина, Н.А. Роль метафоры в моделировании картины мира [Текст] / Н.А. Мишанкина // Картина мира: язык, философия, наука : докл. участников Всероссийск. школы молодых ученых (1–3 ноября 2001 г.) / Том. гос. ун-т. – Томск, 2001. – С. 65–67.

20. Мишанкина, Н.А. Метафора звучания: образы животных [Текст] / Н.А. Мишанкина // Актуальные проблемы лингвистики : мат-лы региональн. конф. молодых ученых / Том. гос. ун-т. – Томск, 2001. – С. 185–190.

21. Мишанкина, Н.А. Информационный потенциал слова: проблема представления в машинном словаре [Текст] / Н.А. Мишанкина // Открытое и дистанционное образование. – 2002. – № 4 (8). – С. 152–155.

22. Мишанкина, Н.А. Метафора и моделирование мифологической картины мира [Текст] / Н.А. Мишанкина // Картина мира: модели, методы, концепты : мат-лы Всероссийск. школы молодых ученых / Том. гос. ун-т. – Томск, 2002. – С. 208–213.

23. Мишанкина, Н.А. Методы исследования метафорического моделирования в языковой картине мира [Текст] / З.И. Резанова, Н.А. Мишанкина, Д.А. Катунин // Языковая ситуация в России начала XXI в. : мат-лы Междунар. научн. конф. : в 2 т. – Кемерово, 2002. – Т. 2. – С. 120–137.

24. Мишанкина, Н.А. Мифологическая модель русского саундшафта: когнитивно-вербальная основа восприятия звучания в русской культуре / Н. А. Мишанкина [Текст] // Сб. аннотаций докл. и выступлений Первой Всероссийск. научно-практической конф. грантополучателей программы «Межрегиональные исследования в общественных науках». – СПб., 2002. – С. 41.

25. Мишанкина, Н.А. К обоснованию методов исследования когнитивной метафорической модели (на материале русской ономастике) [Текст] / Н.А. Мишанкина // Теоретические и прикладные аспекты филологии : сб. научн. трудов. – Томск : Изд-во Том. политех. ун-та, 2003. – С. 172–178.

26. Мишанкина, Н.А. Информационный потенциал слова: когнитивный аспект [Текст] / Н.А. Мишанкина // Открытое и дистанционное образование. – 2003. – № 1 (9). – С. 51–57.

27. Мишанкина, Н.А. Виртуальность естественного языка в формировании «новой» виртуальной реальности [Текст] / З.И. Резанова, В.А. Ладов, Н.А. Мишанкина // Открытое и дистанционное образование. – 2003. – № 2 (10). – С. 8–13.

28. Мишанкина, Н.А. Метафора в виртуальном дискурсе (на материале чатов) [Текст] / З.И. Резанова, Н.А. Мишанкина // Естественная письменная русская речь: исследовательский и образовательный аспект. Теория и практика современной письменной речи : мат-лы конф. : в 2 ч. – Барнаул : Изд-во АГУ, 2003. – Ч. 2. – С. 107–117.

29. Мишанкина, Н.А. Метафорическое моделирование саундшафта романа М.А. Булгакова «Белая гвардия» [Текст] / Н.А. Мишанкина // Миромоделирование в языке и тексте : сб. научн. статей. – Томск : Изд-во ТГУ, 2003. – С. 106–117.

30. Мишанкина, Н.А. О возможности применения междисциплинарного подхода к изучению информационного потенциала текстового источника [Текст] / Г.В. Можаяева, Н.А. Мишанкина // Единая образовательная информационная среда: проблемы и пути развития : мат-лы II Всероссийск. научно-практической конференции-выставки. – Томск, 2003. – С. 283–287.

31. Мишанкина, Н.А. Способы языкового выражения самоидентификации личности в виртуальном дискурсе (на материале чатов) [Текст] / З.И. Резанова, Н.А. Мишанкина // Европейские исследования в Сибири : мат-лы всероссийск. научн. конф. «Мир и общество в ситуации фронта: проблемы идентичности». – Томск : Изд-во Том. гос. ун-та, 2004. – Вып.4. – С. 325–335.

32. Мишанкина, Н.А. Картина мира в документе: историко-лингвистический анализ юридического дискурса (к постановке проблемы) [Текст] / Н.А. Мишанкина, Ж.А. Рожнева // Мат-лы IX конф. Ассоциации «История и компьютер» (МГУ, апрель 2004 г.). – Томск, 2004. – С. 131–132.

33. Мишанкина, Н.А. О возможности применения междисциплинарного подхода к изучению информационного потенциала историографического источника [Текст] / Г.В. Можаяева, Н.А. Мишанкина // Мат-лы IX конф. Ассоциации «История и компьютер» (МГУ, апрель 2004 г.). – Томск, 2004. – С. 200–202.

34. Мишанкина, Н.А. Языковые маркеры этапов социальной и гендерной самоидентификации личности в виртуальном дискурсе (на материале чатов) [Текст] / З.И. Резанова, Н.А. Мишанкина // Социальная работа, реклама и связи с общественностью в новом коммуникативном пространстве : мат-лы Всероссийск. ежегодн. Научно-практической конф. – Томск, 2004. – С. 230–239.

35. Мишанкина, Н.А. Юридический дискурс как отражение исторических и ментальных процессов (историко-лингвистический анализ) [Текст] / Н.А. Мишанкина, Ж.А. Рожнева // Гуманитарная информатика : сб. статей. – Томск : Изд-во Том. ун-та, 2004. – Вып. I. – С. 97–102.

36. Мишанкина, Н.А. Информационный потенциал текстового источника в свете теории информации [Текст] / Г.В. Можаяева, Н.А. Мишанкина // Гуманитарная информатика : сб. статей. – Томск : Изд-во Том. ун-та, 2004. – Вып. I. – С. 114–126.

37. Мишанкина, Н.А. Механизмы языкового моделирования виртуальной реальности [Электронный ресурс] / З.И. Резанова, Н.А. Мишанкина // Тез. докл. отчетн. конф. грантополучателей МИОН «Социально-гуманитарные исследования: проблемы общественной востребованности» (Москва (Голицыно) 10–11 марта 2005 г.) // Межрегиональные исследования в общественных науках. –

Электрон. текст. дан. – М., 2000-. – URL: http://www.iriss.ru/display_publication?id=000150072293 (дата обращения 01.06.2010).

38. Мишанкина, Н.А. Русская историография второй половины XVIII в.: опыт историко-лингвистического анализа [Текст] / Г.В. Можаяева, Н.А. Мишанкина // Гуманитарная информатика : сб.статей. – Томск : Изд-во Том. гос. ун-та, 2005. – С. 97–112.

39. Мишанкина, Н.А. Информационный потенциал текстового источника в контексте междисциплинарного подхода (к постановке проблемы) [Текст] / Г.В. Можаяева, Н.А. Мишанкина // Музей и современные технологии : мат-лы Всероссийск. научн. конф. – Томск, 2006 – С. 19–27.

40. Мишанкина, Н.А. Язык как информационная модель реальности : учеб.-методич. пособие [Текст] / Н.А. Мишанкина. – Томск : Изд-во Том. ун-та, 2005. – 70 с.

41. Мишанкина, Н.А. От новых лингвистических объектов к новой интерпретации естественного языка [Текст] / З.И. Резанова, Н.А. Мишанкина // Философия и филология в современном культурном пространстве: проблемы взаимодействия : сб. научн. докл. – Томск : Изд-во Том. ун-та, 2006. – С. 53–67.

42. Мишанкина, Н.А. Контент-анализ в изучении русской историографии второй половины XVIII в. [Текст] / Г.В. Можаяева, Т.В. Можаяева, Н.А. Мишанкина // Материалы X конференции Ассоциации «История и компьютер» (Москва, МГУ, 12–14 мая 2006 г.) // Информац. бюллетень ассоциации «История и компьютер». – Москва–Тамбов : Изд-во Тамбов. ун-та, 2006. – С. 78–79.

43. Мишанкина, Н.А. Междисциплинарная методология в исследовании дискурсивного аспекта языковой картины мира [Текст] / Н.А. Мишанкина // Языковая картина мира: лингвистический и культурологический аспекты : мат-лы III Междунар. научно-практич. конф. / БГПУ им. В.М. Шукшина. – Бийск, 2006. – С. 77–83.

44. Мишанкина, Н.А. Дискурсивные картины мира: теория и практика социолингвистических исследований [Текст] / З.И. Резанова, Д.А. Катунин, Л.И. Ермоленкина, Н.А. Мишанкина // Дискурсивные картины мира: теория и практика социолингвистических исследований : учеб.-методич. пособие. – Томск : Изд-во Том. гос. ун-та, 2006. – 52 с.

45. Мишанкина, Н.А. Языковая картина мира в виртуальном дискурсе [Текст] / Н.А. Мишанкина // Язык и культура : сб. статей XIX Междунар. научн. конф., посвященной 130-летию ТГУ. 17–20 октября : в 2 т. / Том. гос. ун-т. – Томск, 2007. – Т. 1. – С. 101–105.

46. Мишанкина, Н.А. Виды текстовой информации : учеб.-методич. пособие [Текст] / Н.А. Мишанкина. – Томск : Изд-во Том. гос. ун-та, 2007. – 110 с.

47. Мишанкина, Н.А. Метафорическая модель как маркер интертекстуальности в научном тексте [Текст] / Н.А. Мишанкина // Вестник Томского государственного университета. Филология. – 2008. – № 1. – С. 18–28.

48. Мишанкина, Н.А. Метафорические аспекты научной коммуникации [Текст] / Н.А. Мишанкина // Мат-лы Всероссийск. научно-практич. Интернет-конференции с международным участием «Connect–Универсум 2009» // Кафедра социальных коммуникаций Томского государственного университета. – Электрон. текст. дан. – Томск, 2009-. – URL: <http://pr.tsu.ru/forum> (дата обращения 01.06.2010).

49. Мишанкина, Н.А. Роль метафорической концептуализации в моделировании научного дискурса [Текст] / Н.А. Мишанкина // Национально-культурный компонент в тексте и языке : тез. докл. IV Междунар. научн. конф., Минск, 3–5 дек. 2009 г. : в 2 ч. / Минск. гос. лингв. ун-т. – Минск, 2009. – Ч. 2. – С. 58–61.

50. Мишанкина, Н.А. Метафора в науке: парадокс или норма? [Текст] / Н.А. Мишанкина // Четвертая междунар. конф. по когнитивной науке : тез. докл. : в 2 т. (Томск, 22–26 июня 2010 г.) / Том. гос. ун-т. – Томск, 2010. – Т. 2. – С. 421–423.

Тираж 150 экз.
Отпечатано в ООО «Позитив-НБ»
634050 г. Томск, пр. Ленина 34а